

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ОБРЕЧЕННАЯ ЦИТАДЕЛЬ

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Окопная правда Победы. Романы,
написанные внуками фронтовиков

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Обреченная цитадель

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е.

Обреченная цитадель / Е. Сухов — «Эксмо», 2020 — (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков)

ISBN 978-5-04-115479-0

1944 год. Нацистское командование понимает, что боевых действий на территории Германии уже не избежать. Немецкие инженеры предлагают создать единую цепь укреплений из приграничных городов-замков, пригодных к длительной осаде. В Москве архитектор Михаил Велесов разрабатывает свой план взятия немецких крепостей. Ставка заинтересована в разработках Велесова. Под видом капитана-сапера его направляют к Познани, наиболее укрепленному узлу немецкой обороны. Именно там должна решиться судьба операции. Однако очередное донесение советской разведки заставило серьезно изменить планы предстоящего наступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-115479-0

© Сухов Е., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I. Возвращение в Берлин	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Сухов

Обреченная цитадель

© Сухов Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть I. Возвращение в Берлин

Глава 1

Начало мая 1944 года.

Новая стратегия

Майский воздух был прозрачен и свеж как никогда. Небо – сплошная синева. Именно такую погоду предпочитал Адольф Гитлер, утверждая, что она благотворно действует на его общее состояние.

Пребывая в Оберхофе, рейхсканцлер традиционно после обеда в сопровождении адъютантов и приближенных направлялся к павильону «Моослендеркопф», с лужайки которого открывался прекрасный вид на островерхую гряду гор. Именно там он писал свои этюды, раздаривая их в подарок ближайшему окружению, или мог просто посидеть на террасе, наслаждаясь чашкой черного кофе.

До начала прогулки оставалось пятнадцать минут. В это самое время вся местность вокруг тропы обследовалась сотрудниками СД с собаками на случай возможного проникновения в резиденцию канцлера диверсантов.

Адольф Гитлер не любил менять заведенный распорядок и мог отказаться от прогулки лишь только в том случае, если погода была по-настоящему скверной. Особенно не нравился ему дождь, но вот зато холод, как типичный житель Альп, он переносил легко и даже предпочитал свежий задорный морозец.

Глянув в окно, штурмбаннфюрер СС Линге¹ увидел, что из замка уже вышел бригаденфюрер СС Раттенхубер² и, заложив руки за спину, стал дожидаться появления фюрера. А это означало, что местность, где будет прогуливаться рейхсканцлер, уже была тщательно проверена, а на всем протяжении пути расставлены посты (тщательно замаскированные разросшимися по обе стороны тропы кустами, они совершенно не были приметны снаружи).

Сюда же, на площадку перед замком, подошел генерал-лейтенант Шмундт³, с которым Адольф Гитлер любил беседовать во время прогулки, доктор Морель⁴, а также женщины, которые неизменно составляли ему компанию во время обеда. После обеда дамы удалялись в свои комнаты, где переодевались в одежды, подходящие для длительной прогулки на свежем воздухе. В этот раз в прогулке кроме самой Евы Браун⁵, которая неизменно сопровождала Гитлера, принимала участие миловидная Каструп⁶ и молодая экстравагантная австрийка Шенеман. Невероятная спорщица, импульсивная, она забавляла фюрера своим неуемным темпераментом. В жарком споре с ней он даже на короткое время забывал о неблагоприятной обстановке на Восточном фронте.

---

¹ Ординарец Гитлера.

² Руководитель собственной службы имперской безопасности, отвечавший за безопасность высшего руководства Рейха.

³ Генерал-лейтенант Рудольф Шмундт – начальник управления сухопутных войск.

⁴ Доктор Теодор Морель – лейб-врач Гитлера.

⁵ С 28.04.1945 жена Адольфа Гитлера.

⁶ Близкая подруга Евы Браун.

Вскоре Адольф Гитлер вышел из замка в сопровождении одного из своих адъютантов, державшего в руках тарелку с мясом и большой костью. Обычно в это время он всегда кормил Блонди, и собака, зная о заведенном ритуале и о щедрости хозяина, всегда выходила фюреру навстречу, слегка помахивая хвостом. Никто не имел права прикасаться к собаке, кроме Гитлера, и уж тем более кормить ее. Подошедшая Блонди в ожидании уставилась на хозяина. Погладив овчарку по холке, Гитлер приказал:

– Сидеть.

Блонди охотно исполнила команду и села перед Гитлером, буравя его умными выразительными глазами. Взяв небольшой кусок мяса, он протянул его собаке и проговорил:

– Ешь.

Бережно, с аристократической аккуратностью, псина взяла из рук рейхсканцлера кусок, не дотрагиваясь до ладони. И без всякой спешки зажевала.

Адольф Гитлер любил кормить собаку, столь нехитрая забота о животном доставляла ему несказанное удовольствие. В эти минуты с его лица не сходила доброжелательная улыбка, и сам он как будто бы становился на несколько лет моложе. Даже со стороны было заметно, что общение с собакой доставляет фюреру громадное удовольствие.

Блонди не выпрашивала еды – не скулила и не подпрыгивала, вела себя весьма достойно, просто выразительно смотрела на Гитлера и смиренно дожидалась очередной порции. Взяв следующий кусок мяса, Гитлер протянул его овчарке. Блонди не спешила его брать и умело делала вид, что свежайший кусок мяса ей совершенно неинтересен. И только когда Гитлер произнес: «Ешь», овчарка столь же бережно взяла мясо и энергично его зажевала, разрезая мякоть острыми зубами.

Скармливая собаке мясо, Гитлер то и дело нахваливал собаку, отмечая ее выдержку и воспитание, чем вызывал улыбки у стоявших неподалеку Гретль, сестры Евы Браун, и Шенеман.

Скормив все мясо, фюрер вновь погладил Блонди. На тарелке оставалась кость, любимое лакомство Блонди. Вполне достойный приз за примерное поведение. Однако собака никак не показывала свое нетерпение, оставаясь столь же невозмутимой, как и ранее.

Адольф Гитлер взял кость и некоторое время держал ее перед мордой собаки, проверяя ее выдержку. Блонди, глянув на хозяина, едва махнула хвостом, после чего демонстративно отвернулась.

– У нее прекрасное воспитание, – произнесла вышедшая из дома Ева Браун. – Она ничего не возьмет без спроса.

Погладив собаку по холке, Гитлер протянул ей кость, и овчарка осторожно вытянула ее из ладони хозяина, после чего отошла в сторону, легла на траву и, прижав кость лапами, принялась ее грызть.

Традиционная процедура кормления овчарки была завершена. Подошедший ординарец протянул фюреру фуражку с альпийской палкой. У фюрера было три любимых альпенштока. Два из них были в длину около двух метров, имеющих на конце стальные наконечники. Гитлер использовал их в том случае, когда намеревался совершить восхождение на гору. Третья альпийская палка была значительно короче, снабженная темляком. Она служила именно для таких неторопливых прогулок по склону.

В этот раз в компанию Гитлеру влился полковник Николаус фон Белов, служивший при Гитлере адъютантом от авиации. На прогулку с Гитлером напрашивался генерал-полковник Эберхард фон Макензен, командующий четырнадцатой армией. Но Линге, отвечавший за благостное расположение фюрера, отказал, объяснив, что генерал может высказать свою точку зрения о происходящем на фронте на ближайшем вечернем совещании.

В последнее время дела генерал-полковника складывались не самым лучшим образом. В прошлом году он был назначен командующим четырнадцатой армией, располагавшейся в

Италии, в которой когда-то начинал войну начальником штаба. В настоящее время американско-британские войска усиленно штурмовали линию Густава. Оборона прогибалась и растягивалась, наконец была прорвана, и через бреши на север, в сторону Рима, устремились американско-британские войска.

Генерал-полковник Эберхард фон Макензен уже не однажды писал в Генеральный штаб оперативные записки о том, что если не поступит пополнения в ближайшее время, то не останется возможности удерживать занятые позиции. И вот сейчас командующий четырнадцатой армией, не дожидаясь приглашения, решил приехать в Оберхоф лично, чтобы рассказать Гитлеру правду о военной обстановке, сложившейся на территории Италии.

Рейхсканцлер не желал его принимать, считая, что в такое трудное время командующий должен находиться со своими войсками, и его надежда увидеть фюрера на вечернем заседании была крайне призрачна. Самое большее, на что он может рассчитывать, так это переговорить с командующим сухопутными войсками.

Но генерал-полковник был настолько толстокож, что не замечал вокруг себя безмолвного пространства. Похоже, что в связи с наступлением американско-британских войск он вообще не желал ничего замечать.

Возможно, появление Эберхарда фон Макензена в Оберхофе связано с личными обстоятельствами: генерал-полковник как-то хотел отсрочить свою близкую отставку, на чем настаивал Рудольф Шмундт, дважды заявляя на совещании о его неудачном командовании. Последнее слово оставалось за Гитлером, но фюрер по какой-то неведомой причине медлил, полагая, что ситуация в Италии еще как-то может улучшиться.

По широкой лестнице Адольф Гитлер вместе с сопровождающими направился к каменистой тропе, которая вела к выступу скалы, на которой размещался павильон «Моослендеркопф». Фюрер нередко использовал двадцатиминутную прогулку, чтобы обсудить с начальником управления сухопутных войск некоторые вопросы предстоящего совещания. На фронте наступило некоторое затишье, велась позиционная война. Вызывал беспокойство Крымский полуостров, где русским войскам удалось прорвать оборону на Перекопском перешейке южнее Сиваша. Если ситуация будет и далее усугубляться, то у русских появится возможность вывести на оперативный простор танковый корпус.

Позади них, о чем-то переговариваясь, следовали Раттенхубер, начальник полицейской команды Хэгл и Линге. Ева Браун с фотографом Хофманом⁷ и оператором Францем⁸ замыкали группу. Из обрывков разговора было понятно, что Генрих Хофман не мог нарадоваться ясной погоде, ожидая, что снимет фюрера на фоне горных хребтов. Фотографирование у Хофманов было семейным делом, его отец имел собственное ателье и среди его клиентов были высокопоставленные особы и даже члены королевских фамилий. Он любил рассказывать о том, что однажды в молодости ассистировал в Висбаденском замке придворному фотографу Томасу Фойгту на фотосессии кайзера Вильгельма Второго⁹ по случаю его встречи с русским императором Николаем Вторым. Еще тогда он отметил, что глаза императора Николая Второго полны трагической грусти.

С Адольфом Гитлером фотограф Генрих Хофман познакомился еще в Мюнхене около сорока лет назад, где они сблизились на поприще любви к художественному искусству. Оба мечтали стать художниками, однако не сложилось у обоих, хотя Генрих Хофман в отличие от Гитлера успел отучиться в художественной академии пару лет.

За время их знакомства Генрих Хофман запечатлел Гитлера на сотнях пленок и пластинок, лучшие фотографии из которых появлялись в дорогих альбомах; плакаты с его изображением

---

⁷ Генрих Хофман – близкий друг Адольфа Гитлера, его личный фотограф.

⁸ Франц Вальтер – личный фотограф Гитлера; кинооператор и режиссер, продюсер.

⁹ Вильгельм Второй – последний германский император и король Пруссии.

были развешены на зданиях и в учреждениях. В Гитлера влюблялись сотни тысяч женщин Третьего рейха, увидев в нем мужчину своих девичьих грез, но по-настоящему фюрера никто не знал даже из самого ближнего его окружения. Для них он был фюрер и рейхсканцлер, для него – мечтательный юноша, бредивший о карьере художника, с которым он едва ли не ежедневно пил пиво и ел мюнхенские сосиски. Именно общее юношеское прошлое позволяло ему называть фюрера по имени.

Неожиданно Гитлер остановился и посмотрел на генерал-лейтенанта Шмундта. Начальник управления сухопутных войск приосанился и, слегка приподняв подбородок, посмотрел прямо в глаза Гитлеру. Выдержать пристальный взгляд фюрера было непросто, требовалась немалая внутренняя мобилизация, чтобы ни голосом, ни движением не выдать душевного трепета, охватившего его в эту минуту.

– Во всех войнах наши солдаты больше привыкли наступать, чем обороняться. А в нынешней войне мы не думали, что нам придется переходить к обороне. Однако пришлось... Наша задача заключается в том, чтобы удержать занятые территории во что бы то ни стало, – твердо произнес Адольф Гитлер.

– Мой фюрер, наши солдаты сделают все возможное, чтобы не только остаться на прежних позициях, но и перейти в ближайшее время в наступление.

– Это наши временные трудности. Я ни на миг не сомневаюсь в том, что мы пойдем дальше... В сорок первом русским удалось отгеснить наши войска под Москвой. Но нам удалось сдержать их наступление на довольно слабых опорных пунктах, усиленных лишь дотами. Они теряли живую силу, вооружение, технику, но не могли пройти дальше. Вспомните Демянск и Холм... Наши гарнизоны были полностью окружены, русские уже торжествовали победу, но сломить дух наших доблестных солдат им так и не удалось. Наши части прорвали кольцо и сумели удержать города... Но русские постоянно совершенствуются, сейчас их войска сражаются значительно лучше, чем в самом начале войны. Вы помните, что стало с нашими гарнизонами в Великих Луках и Погорелом Городище? – неожиданно спросил Адольф Гитлер.

– Гарнизоны оказались в окружении и, к сожалению, были разбиты, – отвечал генерал-лейтенант.

– А все потому, что они не придавали должного значения обороне. А в последние месяцы войска русских проявляют особую наступательную настырность. Мы должны любой ценой остановить русских. Для этого у нас есть все: передовая техника, отличное вооружение и, конечно же, наши доблестные солдаты, которые умеют прекрасно воевать... Чтобы воевать еще более успешно, мы должны будем усилить наши территории хорошо укрепленными опорными пунктами. Особое значение нужно будет уделять большим узловым центрам. Такие опорные пункты должны быть на каждой железной дороге, на каждом шоссе. На пересечении магистралей следует создать укрепленные опорные пункты с гарнизонами, складами вооружения и продовольствия, чтобы они могли как можно дольше противостоять русским. Оттянуть на себя их значительные силы, обескровить их и остановить наступление. Таких гарнизонов и опорных пунктов с полевыми укреплениями должно быть много. Войска русских должны увязнуть в нашей обороне. А когда это произойдет, то мы перейдем в наступление. Не будет ничего страшного, если наши гарнизоны окажутся временно в окружении, снабжать необходимым вооружением и продовольствием, а также производить эвакуацию раненых мы станем по воздуху. У нас лучшие летчики! Такая задача для них вполне по силам. Наше упорство сумеет помешать снабжению атакующих частей русских, а гарнизоны, превратившиеся в крепости, оттянут на себя значительные их силы, чем еще больше затруднят их дальнейшее продвижение вглубь нашей территории. А когда войска русских будут истощены и обескровлены, то мы деблокируем все наши опорные пункты и перейдем в контрнаступление. Сегодня же на совещании мы обсудим более подробно новую стратегическую задачу. Надеюсь, что мне не придется спорить и мое предложение найдет поддержку у генералитета.

– Мой фюрер, вы предлагаете начать строительство опорных пунктов по всей территории сразу?

– Разумеется. Было бы лучше проводить строительные оборонительные работы по всем областям сразу, но в настоящее время у нас не найдется столько ресурсов. Я бы предложил начать построение опорных пунктов в Белоруссии, на пути вероятного наступления Красной Армии. И приступать к этому проекту следует сегодня же!

Сопровождающие фюрера также остановились, образовав две небольшие, оживленно разговаривающие группы. Никто не смел пройти вперед раньше фюрера, и все терпеливо ждали, когда он пойдет дальше. Ева что-то энергично рассказывала Гофману, и тот, слегка наклонив голову, с интересом внимал возлюбленной Гитлера.

Жестковатые губы Гитлера заметно размякли, как только он перевел взгляд на свою подругу. В этот момент он выглядел значительно моложе, в потускневших глазах появился юношеский блеск. А ведь именно Гофман познакомил его с Евой Браун, устроившейся ученицей в его ателье. В тот памятный вечер, случившийся пятнадцать лет назад, Гофман представил его как господина Вольфа. Но что-то подсказывало Гитлеру, что она сразу догадалась, кто он был на самом деле. Ведь первые портреты, появившиеся сразу после пивного путча, были сделаны именно в фотоателье Гофмана. Позже Адольфа Гитлера снимали и другие фотографы, но никто из них не удостоивался чести снимать его с близкого расстояния.

– Что ж, давайте перенесем нашу дискуссию на вечернее совещание, – заключил фюрер и, заложив руки за спину, уверенным и твердым шагом направился по тропе.

Павильон «Моосхендеркопф», построенный на самом выступе скалы, имел полукруглый фасад с большими окнами. С него открывался великолепный вид на близлежащие горы. Оперевшись на перила, Гитлер любил смотреть на горные вершины – зимой занесенные снегом, а вот летом радующие глаз, приодетые в свежую сочную зелень.

Адольф Гитлер подошел к скамейке, стоявшей подле ограждений павильона, и присел, откинувшись на спинку. Стараясь не показать сопровождающим скверного расположения духа, он едва улыбался, поглядывая на горы. Было заметно прохладно, Николаус фон Белов зябко поежился, а Ева Браун накинула на плечи пуловер и потирала ладонями озябшие плечи.

Из павильона стремительно выбежали два черных шотландских терьера и устремились к сидящему на скамье Гитлеру. Сумрак, покрывший на какое-то время его лицо, отступил, теперь он выглядел именно таким, каким Ева увидела его во время их первой встречи.

– Ах вы, сорванцы! – вырвалось у Евы. – Бегут не к своей хозяйке, а к фюреру. Негус, Стаси, ну как вам не стыдно! Чего же вы хозяйку обижаете? – делано рассердилась женщина, сияя от счастья.

Настроение Гитлера сменилось на радужное, что не могло ее не радовать. В последние дни фюрер пребывал в скверном настроении, и требовалось немало усилий, чтобы как-то его подбодрить. На каждый ужин Ева старалась приглашать интересных людей, которые могли бы приободрить фюрера. Даже в обществе фрау Шенеман, известной своим венским темпераментом, способным расшевелить кого угодно, он оставался сумрачным, уходил куда-то глубоко в свои невеселые думы.

Шотландские терьеры доверчиво вертели у ног рейхсканцлера, и он, явно получая удовольствие от такого непосредственного общения, поглаживал их курчавые спины.

– Получится замечательная фотография! – восторженно проговорила женщина. – Генрих, – обратилась она к Хофману, стоящему немного в стороне и о чем-то разговаривающему с Линге, – сфотографируйте, пожалуйста, фюрера вместе с терьерами.

Неожиданно Адольф Гитлер помрачнел и порывисто поднялся:

– Не нужно снимать. – Увидев потускневшее лицо Евы, осознавая, что сказанным причинил ей боль, примиряющим тоном продолжил: – Крупный государственный деятель не должен фотографироваться с маленькими собаками, это выглядит смешно. Если ты желаешь, так

я могу сфотографироваться с Блонди. А давай лучше сфотографируемся вместе, ты будешь с Негусом, а я с Блонди.

Хорошенькое личико Евы вновь осветилось радостью. В сущности, как мало нужно для женщины, чтобы сделать ее счастливой: подобрать правильные слова, и она позабудет о недавней колкости.

– Это будет очень хорошая фотография, – заулыбалась Ева. – Иди ко мне, мой непослушный, – проговорила женщина, пристегнув к ошейнику собаки тонкий кожаный поводок.

Адольф Гитлер подозвал к себе Блонди, которая охотно, очевидно, рассчитывая на угощение, подбежала к хозяину. Гитлер потянул за поводок собаку и подошел к Еве.

– Генрих, сфотографируй нас на фоне гор.

– С удовольствием, сейчас очень хорошее солнце для снимка, – настраивая выдержку, проговорил Хофман. Ошибиться не хотелось. К своему внешнему виду Гитлер относился очень требовательно и заставлял фотографов удалять снимки, с его точки зрения, неудачные.

– А теперь улыбнитесь и не забывайте, что у вас впереди много счастливых дней!

Окончательно расслабляясь, позабыв о том, что его тревожило каких-то пятнадцать минут назад, Адольф Гитлер разлепил губы в сдержанной улыбке.

Прогулка к павильону обычно завершалась чашкой крепкого кофе с яблочным штруделем, до которого Гитлер был весьма охоч. Снаружи со смотровой площадки через большие стекла павильона можно было наблюдать, как внутри павильона ординарцы расстилают на столах белоснежные скатерти. В центр стола неизменно ставилась ваза с цветами, подле тарелок укладывались столовые приборы.

Поддавшись на уговоры Евы, Гитлер не спешил заходить в уютный теплый павильон, наполненный светом, и продолжал позировать Гофману, выбиравшему наиболее выигрышный ракурс.

Настроение у присутствующих было приподнятое. Во всяком случае, не каждый день можно было увидеть фюрера в столь благожелательном настроении. Неожиданно Гитлер подозвал к себе ординарца, стоявшего у дверей в ожидании очередного распоряжения, и, протянув фуражку с альпийской палкой, направился в здание.

Обычно фюрер предпочитал сидеть у самого окна, с одной стороны которого была видна лужайка, огороженная перилами у самого обрыва, а с другой – живописная долина.

– Присядьте сюда, Линге, – предложил фюрер своему личному слуге.

Гейнц Линге немедленно присел на стул напротив и в ожидании смотрел на фюрера, понимая, что разговор пойдет о текущих делах. Сопровождающие Гитлера тактично расположились за соседними столами, чтобы не помешать разговору.

– Вы мне сказали, что у вас скопилась целая папка прошений солдат на брак с иностранками?

– Так точно, мой фюрер, – с готовностью отозвался Линге.

– Она сейчас при вас?

– Да, мой фюрер, – приподнял он кожаную папку, лежавшую на коленях.

Подошедший ординарец расторопно и очень умело, как проделал бы вышколенный баварский официант, расставил на столе чашки с кофе (очень крепкий черный для Гитлера и со сливками для камердинера), тарелки с булочками, в отдельной неглубокой посуде масло и мармелад. В большом блюде поставил перед Гитлером его любимый яблочный пирог.

– Вы положили в кофе шоколад? – неожиданно спросил Гитлер у ординарца.

– Да, мой фюрер, – охотно отвечал офицер. – Самый лучший, швейцарский.

– Как называется марка шоколада?

– «Херши».

– Эту марку в Швейцарии заказывают американцы для своих солдат. В Германии тоже делают хороший шоколад, – буркнул фюрер.

– Я могу заменить и положить наш шоколад, – с готовностью отозвался ординарец.
– Не нужно. Пусть останется. – Сделав небольшой глоток, одобрительно кивнул: – А кофе и в самом деле очень хорош.

Ординарец довольно улыбнулся – похвала рейхсканцлера была приятна.

– Рад, что вам понравилось, мой фюрер.

– Хм, а он сладкий... Сколько же вы сюда положили шоколада? – полюбопытствовал Адольф Гитлер.

– Половину плитки.

Покачав неодобрительно головой, Адольф Гитлер произнес:

– Вижу, что вы ничего не жалеете для своего фюрера. – Когда ординарец ушел, рейхсканцлер вновь обратился к камердинеру: – Так на чем мы с вами остановились?

– Вы спрашивали меня о прошениях наших солдат на брак с иностранками.

– Ах да... Вы как-то обмолвились, что таких прошений набралось уже около ста?

– Точно так, мой фюрер.

– Я бы хотел просмотреть эти прошения после того, как полакомлюсь вот этим восхитительным штруделем. Знаете, ведь австрийцы настоящие гурманы, только такая нация могла придумать штрудель. А какое у него тесто!

Отрезав небольшой кусочек пирога, Гитлер с большим аппетитом зажевал его. Обычно фюрер ел быстро. На завтрак уходило не более пяти минут, на обед поболее – целых двадцать. Но этот штрудель он ел медленно, никуда не торопясь, наслаждаясь процедурой поглощения.

Когда с кофе и со штруделем было покончено, не давая фюреру подняться, подскочил все тот же ординарец с блокнотом в руке и спросил:

– Мой фюрер, желаете сделать заказ на обед и ужин?

Адольф Гитлер всегда заказывал обед и ужин заранее, потому что просто не терпел ждать. Как правило, его обеденное меню не отличалось большим разнообразием, равнодушный к мясу, он мог заказать небольшой кусок рыбы или хорошо прожаренные баварские сосиски, а то и кнедлики с печенью и говяжьим бульоном. Поговаривали, что во времена молодости любимым его блюдом был фаршированный голубь.

Ординарец, застывший у стола с блокнотом в руках, ожидал, что Гитлер закажет нечто особенное, чем наверняка привел бы в неопишуемый восторг шеф-повара. Уж слишком глубокомысленной выглядела пауза.

– Хорошо... Давайте приготовьте на обед гороховый суп с пармезанским сыром и омлет с цветной капустой.

– А на десерт? – быстро записал ординарец заказ, едва сдерживая разочарование.

– На десерт что-нибудь из австрийской кухни. Пусть будут сладкие пончики.

– А на ужин?

– На ужин что-нибудь овощное... Картошка с зелеными овощами. Я освобожусь не ранее восьми часов, так что будьте готовы.

– Я предупрежу на кухне, мой фюрер, – заверил ординарец и немедленно удалился.

За соседними столами, где расположилась Ева с фотографом Хофманом и оператором Францем, кофе был выпит, допивали его и офицеры во главе с генерал-лейтенантом Шмундтом. Никто никуда не спешил, все ждали Гитлера. Ева что-то энергично рассказывала Гофману о проказах шотландских терьеров, уверенно утверждая, что это самые умные собаки на свете. За другим столом солировал Николаус фон Белов, рассказывая о технических преимуществах немецких штурмующих бомбардировщиков над британскими самолетами. Адольф Гитлер всегда с некоторым недоверием относился к выходцам из аристократических фамилий, однако это обстоятельство не помешало фон Белову войти в ближайшее окружение фюрера. Рейхсканцлеру импонировали личные качества Николауса, он считал его очень надежным человеком и поэтому доверял ему особые поручения.

– Линге, давайте пройдем в мой кабинет, и вы мне расскажете все поподробнее, – поднялся Гитлер.

– Мой фюрер, вы уже уходите? – с некоторым разочарованием спросила Ева Браун.

– Да, прекрасное дитя, мне нужно еще поработать. – В голосе Гитлера прозвучали отчетливо различные нотки извинения, что не укрылось от присутствующих. Ева определенно имела влияние на Гитлера, между ними было нечто большее, чем обыкновенная привязанность.

– Возможно, что мне удастся закончить дела пораньше, и тогда я присоединюсь к вам, – сказал Гитлер и решительно зашагал в кабинет, располагавшийся за высокой дубовой дверью.

Нынешнее солнце было ярким. В кабинете Гитлера было светло и свежо. Гитлер всегда настаивал на том, чтобы его помещения тщательно проветривали. Расположившись за столом, рейхсканцлер потребовал:

– Ну что там у вас? Показывайте! Только не все сразу. Давайте для начала пару десятков.

Открыв кожаную папку, штурмбаннфюрер СС Гейнц Линге выложил двадцать прошений с сопутствующими документами, среди которых были биография просителя, подробнейшая справка о его невесте, сведения о родителях молодых, а также развернутая характеристика СД о политических взглядах членов семьи.

– Начнем с этого... Моряк Петер Курц. Вполне симпатичный парень. Настоящее арийское лицо. Кто у него невеста? Француженка Мадлен-Луиза Ру. Вы знаете, Линге, что Мадлен – это французская форма еврейского имени Магдалина, то есть жительницы города Магдалы? – неожиданно спросил фюрер, посмотрев на ординарца, стоявшего подле его стола.

– У меня были некоторые подозрения на этот счет, мой фюрер, – со всей серьезностью отвечал Линге. – Но вряд ли она еврейка. В этом случае ее место в лагере... Ни один солдат фюрера не захочет обременять себя браком с низшей расой. А потом в Париже, откуда она родом, очень энергичные службы СД, они не совершили бы такую промашку.

– Хотелось бы взглянуть на ее фото.

– Оно в отдельном конверте, – подсказал штурмбаннфюрер.

Взяв конверт, Гитлер вытряхнул из него на стол два снимка. Подняв один из них, Адольф Гитлер некоторое время рассматривал фотографию, как если бы в самом деле пытался уловить в ее внешности какие-то еврейские черты. Но с фотографии на него смотрела очаровательная толстушка со слегка вздернутым носом. Волосы, собранные в высокую копну и удерживаемые миниатюрной темной сеточкой, прикрывала небольшая шляпка, кокетливо сдвинутая набок.

– А знаете, как переводится ее фамилия? – неожиданно спросил Гитлер.

– Нет, мой фюрер.

– Рыжая! Мне приходилось бывать в Париже. И мне не чужды француженки... Одна из них учила меня французскому языку. Не хочу сказать, что я владею французским, но кое-что понимаю... Ее фамилия переводится как рыжая. А все эти рыжие женщины такие бестии! Неудивительно, что бедному морячку она вскружила голову. А кто он по званию? Фельдфебель... Какой у него героический вид. Ага, у него еще и награды имеются... А кто у невесты родители? – пролистал Адольф Гитлер сопровождающее письмо.

– От СД имеется на родителей характеристика.

– Вот, нашел... Придерживаются взглядов национал-социализма. Похвально. Это уже кое-что, – удовлетворенно протянул Гитлер. – А вы не находите, что нос у невесты нашего героя чем-то напоминает нос жены Мартина Бормана?

– Некоторое сходство имеется, мой фюрер, – с улыбкой вынужден был согласиться Линге. Фюрер всегда сравнивал невест военнослужащих со знакомыми ему дамами. Порой его наблюдения были весьма остроумны.

– Прощение подпишу, – заключил Гитлер. – Надеюсь, что моряк будет счастлив.

Выбрав следующее прошение, написанное синими чернилами и очень аккуратным почерком, от ротенфюрера 4-й добровольческой панцергренадерской бригады СС «Недерланд», воевавшего с партизанами Хорватии, фюрер тотчас углубился в чтение. Возлюбленная ротенфюрера была Шарлотта Бакер, работавшая парикмахером в военной части. К прошению, как того требовали правила, установленные военным командованием, были приложены две фотографии: одна в профиль до пояса, другая – в полный рост.

Адольф Гитлер любил рассматривать подобные фотографии, неизменно отмечая недостатки во внешности и изъяны фигуры. Но в этот раз он рассматривал снимки несколько дольше обычного.

– Линге, посмотрите, какой у нее подбородок. Вам не кажется, что он в точности такой же, как у подруги Евы Анны Дикер.

– Что-то такое есть, мой фюрер, – сдержанно согласился Линге.

Подобные прошения штурмбаннфюрер СС Линге приносил Гитлеру каждые две недели, особое значение он уделял фотографиям. Порой на их рассмотрение уходило времени гораздо больше, чем на утверждение некоторых военных операций.

– Что же он в ней нашел такого, что заставило его подать прошение на женитьбу? Обычная простушка, каковых в Нидерландах восемьдесят процентов. А ведь сам он какой видный молодой человек! Любая немецкая девушка сочла бы за честь соединиться узами брака с таким бравым парнем. Вот через такие неравные браки и заносится в Германию неполноценная кровь. – Решительно отложив заявление в сторону, сказал: – Я не готов утвердить такой брак. Мне нужно подумать. Принесите это прошение мне как-нибудь позже.

– Слушаюсь, мой фюрер, – с готовностью отвечал штурмбаннфюрер СС Линге, забирая заявление, понимая, что вряд ли когда-нибудь оно будет подписано Гитлером. Фюрер редко подписывал какое-то прошение на брак сразу, чаще просил принести ему позже, но когда дело касалось солдат СС, то здесь он оставался особенно требовательным. Внешность девушки никак не вписывалась в эталон немецкой матери, слишком широкими были скулы, она больше походила на сербку.

Рейхсканцлер взял следующее прошение, к которому была прикреплена фотография бравого оберфельдфебеля в полевой форме с Железным крестом 2-го класса, выдаваемого за храбрость на поле боя, и с нагрудным знаком «За ранение».

– Линге, посмотрите на лицо этого парня. У него лицо настоящего арийца. Такие солдаты очень нравятся женщинам.

– Ему бы служить в войсках СС, – охотно согласился штурмбаннфюрер.

– Но такие парни нужны и в вермахте. Именно на таких героях, как он, держится вся наша армия. Кого же он выбрал? – пролистал Адольф Гитлер несколько страниц. Отыскав фотографии, он взял ту, на которой невеста была запечатлена в профиль. Поджав губы, фюрер некоторое время с интересом рассматривал изображение девушки, а потом вдруг спросил: – Линге, а вам не кажется, что у нее очень длинный нос? Точно такой нос у жены Отто Дитриха.

– Женщины бывают разными, мой фюрер, – дипломатично заметил Линге, зная, что Гитлер слегка недолюбливал жену государственного секретаря в министерстве пропаганды: уж слишком она была молчалива и одевалась весьма старомодно. Перед обедом Гитлер имел привычку избирать на время трапезы среди присутствующих женщин себе даму, что было весьма почетно. Он сажал ее по правую сторону от себя, по левую руку неизменно размещалась Ева. Фрау Дитрих удостаивалась этой чести весьма редко.

– Кто же она по национальности? Бельгийка! – едва ли не поморщился фюрер. – Когда я смотрю на фотографии избранных моих солдат, то у меня невольно возникают мысли, что парни были очень пьяны, когда предлагали девушкам руку и сердце. Мне невольно приходит на ум такая мысль, что как только они разом протрезвеют, то будут проклинать меня за то, что я дал им разрешение на этот брак. А какова же она будет в полный рост? – взял Гитлер другую

фотографию. В модном, слегка приталенном ниже колен платье девушка смотрелась совершенно иначе. В ней просматривался какой-то шарм. А светлая шляпка, надвинутая слегка на высокий лоб, выдавала в ней природное кокетство. Теперь было понятно, что она не так дурна собой, как могло показаться поначалу. – Хотя с другой стороны, я вижу в глазах этого героя решимость. Уверен, что он из тех парней, что, встретив свою девушку, остаются с ней до конца дней. Надеюсь, что он нашел в ней качества, которые искал. Я подпишу это прошение – и Гитлер размашисто написал: «*Разрешаю. Адольф Гитлер*». – Если у него родятся такие же бесстрашные сыновья, как и он сам, мы совершим благое дело и Третьему рейху не стоит опасаться своих недругов. А теперь, Линге, давайте отложим все прошения до следующего раза. Мне нужно подготовиться к совещанию с генералитетом.

Глава 2

Январь 1945 года.

Секретные послания

Военная кампания в Арденнах принимала критический характер. В середине декабря 1944 года началось наступление немецких группировок в районе Эйфеля. Израненный, истекающий кровью немецкий зверь ожил и, поднявшись во весь рост, с устрашающим рыком мощных танков двинулся на американско-британский фронт. Секретная немецкая операция «Гриф», на которую Гитлер возлагал большие надежды, началась. Целью операции являлся разгром союзных войск в Бельгии и Голландии.

Немецкие армии под командованием Дитриха¹⁰ и Мантейфеля¹¹ без труда прорвали линию обороны между городами Льежем и Динаном, танковые армады пробились к реке Маас, а далее встретили хорошо организованное сопротивление. Немцы продолжали наступать, и прорыв обороны был всего лишь вопросом времени, – далее остатки разбитых американских и британских частей просто сметут в море.

Командующие объединенными войсками докладывали, что в тылах американско-британских войск находятся шпионы, прекрасно говорящие на английском и распространяющие слухи об убийстве Верховного главнокомандующего войсками союзников Эйзенхауэра¹². Ввиду нарастающего замешательства Дуайту Дэвиду Эйзенхауэру пришлось выступить по радио с обращением к своим солдатам, чтобы не поддавались на провокации и были верны своему воинскому долгу. Тем не менее умелые действия диверсантов были весьма эффективны – они успешно вносили сумятицу и неразбериху: меняли регулировщиков на постах, указывали ложные направления движения войск, взрывали железнодорожные пути, захватывали склады с боеприпасами и продовольствием; уничтожали таблички, предупреждающие о наличии на дорогах и в полях мин; закладывали на шоссе фугасы. За диверсантами острым клином двигались танковые немецкие колонны, буквально сметающие на своем пути всякое сопротивление.

Находясь в штабе, генерал армии Эйзенхауэр едва ли не ежечасно получал сообщения о новых диверсиях, спланированных воспитанниками Отто Скорцени¹³. В отношении шпионов и диверсантов требовались самые решительные мероприятия. Значительная часть армии была деморализована. За следующим отступлением последует полнейший разгром, следовало врыться в землю и перейти к обороне. Если все-таки остановить немцев не удастся, то требовалось организовать планомерный отход на заранее подготовленные позиции, за которые можно будет основательно зацепиться. Но это будет возможно только в том случае, если удастся выявить диверсантов, внедрившихся в союзные войска.

Вызвав в штаб начальника контрразведки, Эйзенхауэр выслушал его подробный доклад о подрывных действиях немецких диверсантов. Из него следовало, что диверсантами уже нанесен значительный ущерб, от которого американско-британские войска могут оправиться не ранее чем через десять дней. И если их деятельность будет проходить в неослабевающем режиме и далее, то ситуация может катастрофически усугубиться для всего фронта.

---

¹⁰ Йозеф Дитрих, генерал-полковник войск СС, командующий 5-й, позднее 6-й танковой армией СС.

¹¹ Хассофон Мантейфель, генерал танковых войск, командир танково-гренадерской дивизии «Великая Германия».

¹² Верховный главнокомандующий экспедиционными силами.

¹³ Оберштурмбаннфюрер. По поручению Гитлера назначен ответственным за операцию «Гриф».

– Примите самые активные меры для выявления шпионов, – потребовал генерал армии Эйзенхауэр. – Считайте, что в вашем личном распоряжении тысячи простых солдат. Обратитесь за помощью к ним. Вы говорите, что все немецкие диверсанты неплохо говорят по-английски? – в задумчивости переспросил командующий объединенными войсками.

– Да. Несколько дней назад нами была захвачена группа диверсантов, практически все они говорили без акцента.

– Как бы они хорошо ни говорили по-английски, но они всего лишь немцы, а значит, и думают по-немецки. И они не знают Америку так, как знаем ее мы. Этим обстоятельством нужно воспользоваться. Сегодня же я отдам распоряжение командирам подразделений, что они имеют право задерживать каждого подозрительного военнослужащего независимо от его звания, если он не знает того, что известно всякому американцу.

– Даже если это будет генерал? – улыбнулся начальник военной контрразведки.

– Даже если это будет генерал. Ничего страшного не произойдет, потом можно будет извиниться. Главное, чтобы не пропустили шпиона. Единственное, кого мы не можем подозревать, так это негров. Вряд ли нацисты имеют в своих войсках чернокожих. Выявлять шпиона можно самыми простыми вопросами, которые известны любому американцу. Например, сколько президентов было в США. Где и когда был убит Авраам Линкольн. Кто такая Бетти Грейбл¹⁴ и кто ее муж? Думаю, мне не нужно вас учить, какие вопросы следует задавать шпионам, да и солдаты у нас очень изобретательны. Уверен, что они найдут вопросы, которые известны каждому американцу, но могут быть неизвестны шпиону. Вам все понятно?

– Так точно.

– Тогда выполняйте.

Оставшись в одиночестве, Эйзенхауэр сел за письменный стол. Извлек из папки чистый лист бумаги, достал самопишущую ручку и принялся составлять шифровку.

«Господин премьер-министр.

В настоящее время наши войска испытывают большие трудности. Наша линия обороны между Льежем и Динаном прогибается под натиском танковых армий Дитриха и Мантейфеля. Наши доблестные солдаты делают все возможное, чтобы немцы не сумели прорвать фронт. Но с каждым днем удержать их становится все труднее, они превосходят наши соединения как по численности, так и по вооружению. Особенно тяжелые бои завязались у реки Маас. Господин премьер-министр, мы просим Вашего содействия, чтобы Вы попросили маршала Сталина начать военную операцию на Восточном фронте, чтобы оттянуть часть немецких войск с Западного фронта и тем самым облегчить положение наших солдат, а быть может, спасти нас от поражения. Хотелось бы получить помощь в ближайшие дни, чтобы окончательно не усугубилась ситуация, из которой отыскать выход будет крайне сложно.

Надеюсь на Ваше понимание, Верховный главнокомандующий экспедиционными силами генерал армии Эйзенхауэр».

Перечитав написанное, генерал не стал ничего исправлять и позвал секретаря; когда тот незамедлительно явился, приказал:

– Вот что, Марк, отнеси это письмо в шифровальный отдел. И как зашифруют, пусть срочно отправят его премьер-министру Черчиллю.

---

¹⁴ Американская актриса, танцовщица и певица. Муж Бетти Грейбл – Гарри Джеймс, американский трубач и дирижер популярного биг-бенда.

* * *

Подземный кабинет премьер-министра Уинстона Черчилля располагался под зданием казначейства, неподалеку от Вестминстера и рядом со зданием парламента. Уходящий под землю всего-то на пятнадцать метров и присыпанный полутораметровым кирпичным слоем, он вряд ли выдержит прямое попадание тяжелой фугасной бомбы. Однако подобное обстоятельство мало пугало мозговой военный центр Британии. Военное ведомство вполне серьезно считало, что они защищены в достаточной мере, – в районе, с соблюдением законов маскировки, были густо понатыканы зенитки, стоявшие в аккуратных квадратных ямах, а вокруг здания казначейства в два пояса несла службу охрана. В подземный бункер вела неприметная дверь, подле которой нес службу усиленный караул.

Большую часть времени Черчилль проводил именно в бункере, в своем личном кабинете, называя его «военным», но на ночь всегда возвращался в свой дом на Даунинг-стрит. Укоренившуюся привычку ночевать дома не отбила даже немецкая авиабомба, расколовившая в щепень просторную кухню. Фаталист по природе, свято веривший в судьбу и отличавшийся редким личным мужеством, Уинстон Черчилль справедливо полагал: «Чему быть, того не миновать». Возможно, к его закоренелой привычке примешивался еще один фактор – домашний уют, к которому он всегда стремился, где бы ни находился волею судьбы.

Об этой странности ночевать исключительно дома был осведомлен весь военный штаб, однако распространяться о решении премьер-министра было не принято в целях его безопасности. Никто не исключал вероятности, что службы немецкой военной разведки могли осуществить против него теракт, а потому даже дорога до дома из бункера и обратно осуществлялась разными путями, чтобы минимизировать возможный риск.

Сам бункер был довольно значительным сооружением, растянувшимся на полтора километра, он имел сто пятьдесят довольно просторных комнат. В нем работал штат почти из трехсот сотрудников. Обстановка в комнатах была аскетичная, имелось лишь самое необходимое, включая ночные горшки под кроватями. По личному распоряжению Черчилля пища в бункере была скудной. Каждый из служащих должен помнить, что страна терпит лишения, а потому не самое подходящее время баловать желудок изысками, к каковым, возможно, привыкли в мирное время.

Уинстон Черчилль по обыкновению проснулся в половине девятого. Через плотно заштопанные занавески пробивалась блеклая полоска света, погода явно не ладилась. Не поднимаясь с постели, он нащупал на тумбочке коробку с кубинскими сигарами и вытащил одну. Черчилль никогда не прикуривал сигары от зажигалки или от свечи, и вовсе не потому, что считал это дурным тоном, все дело было в практике, а он опирался на собственный опыт заядлого курильщика и прекрасно понимал, что тем самым может испортить истинный вкус табака. Кубинские сигары впитывают в себя малейшие запахи, чего допустить премьер-министр никак не мог.

Взяв лежащие здесь же спички, он чиркнул о коробок, поднял кончик сигары к крохотному пламени и, слегка поворачивая ее, поджигал табак со всех сторон. Слегка приподнял сигару над пламенем и вдохнул в себя горьковатый крепкий дым, продолжая слегка подкручивать. И когда ободок замерцал крохотными искорками, слегка подул на них, раздувая.

Набрав в полость рта дым, Уинстон Черчилль подержал его несколько секунд, ощущая его тепло, после чего выдохнул узкую упругую струйку. Достаточно надышавшись дымом, Черчилль наконец сделал первую затяжку, которая, слегка обжигая легкие, добралась до самого нутра. Только после нее он почувствовал, что понемногу пробуждается. Дальше будет еще лучше. На выкуривание сигары уходит приблизительно сорок пять минут. На сороковой минуте он полностью сбросит с себя остатки сна и будет готов включиться в текущие государственные дела. А сейчас самое время насладиться табаком, без терпкого сигарного дыма утро

потеряет большую часть своего очарования. Самое главное, что сейчас не нужно никуда спешить, сигара не терпит суеты, требует к себе вдумчивого отношения, чтобы неторопливыми небольшими вдохами в полной мере даже в это военное время полнее ощутить вкус табака, а значит, почувствовать жизнь. Клементина, его благоверная, предпочла переночевать в бункере, так что Уинстон Черчилль чувствовал себя полноправным хозяином.

Неожиданно в дверь спальни комнаты негромко постучали. Ранние визиты премьер-министр не приветствовал. Особенно они были тягостны, когда он оставался наедине с сигарой. Об этой его привычке знали и окружающие, но, видно, дело действительно было настолько неотложным, что адъютанты не имели возможности поступить как-то иначе.

– Входите, – буркнул невесело Уинстон Черчилль, вытащив изо рта сигару.

С виноватым видом вошел младший секретарь, сдержанно поздоровавшись, сообщил:

– В оперативный отдел от генерала армии Эйзенхауэра на ваше имя поступило сообщение. Согласно вашим указаниям относительно срочных оперативных данных, поступающих с фронта, письмо было передано в шифровальный отдел и расшифровано.

– Когда пришло сообщение?

– Ночью.

– Почему вы мне его не передали?

– Не хотели вас будить, – безмятежно сообщил младший секретарь.

– Давайте его сюда, черт побери! – невольно выругался премьер-министр. – Ночь уже прошла.

Младший секретарь протянул Уинстону Черчиллю шифровку, запечатанную в конверте.

Нервно надорвав край, премьер-министр вытащил из конверта сообщение и перечитал его дважды. Разумеется, он имел представление, что на Арденнах не все так просто, что в тылах союзных войск работают немецкие диверсанты. Но какую-то неделю назад Главнокомандующий объединенными вооруженными силами союзников генерал армии Эйзенхауэр заверил, что они сумеют противостоять наступлению немцев, а оказывается, что все обстоит совершенно иначе и соединения находятся на грани краха. Генерал Эйзенхауэр не из тех людей, что смотрят на происходящее исключительно в черном свете, за свою военную карьеру он повидал всякого, бывал во многих переделках, но если даже он попросил о помощи, то значит, дела действительно весьма серьезные.

Неделю назад премьер-министр Черчилль проводил заседание кабинета министров. Решались текущие хозяйственные дела, требующие немедленного вмешательства. Обсуждалась военная ситуация на Западном фронте. Обратили внимание и на то, что хлеб стал хуже и требовалось повысить его качество. Ввели ограничение на мясо, теперь гражданин мог купить мясо не более чем на один шиллинг в неделю. Было решено не ограничивать в приобретении овощей и фруктов, а также рыбы. Правительство вынуждено было принять решение о переходе на карточную систему, и вот теперь ограничения коснулись даже ресторанов: из трех различных блюд только в одном из них могла быть рыба или мясо.

Вводились ограничения на одежду, мыло, средства для бритья и даже на бытовые приборы. Наряду с общими вопросами обсуждали положение войсковой операции в Европе. Было отмечено, что авиация союзников наносит эффективные удары по наступающим немецким войскам, удачно бомбит их тылы, склады с оружием и продовольствием. В последнюю неделю уничтожен целый эшелон с топливом, и немецкие соединения ощущают острую нехватку горючего. Наступление немцев было остановлено – им не удалось захватить мосты через Маас, а третья американская армия нанесла контрудар в направлении города Бастонь.

И вот теперь выясняется, что немецкие танковые войска вновь перешли в наступление, но на этот раз в Эльзасе. Оставалось лишь удивляться, откуда у них берутся силы для полномасштабных контратак. А еще около тысячи немецких самолетов нанесли неожиданный удар по аэродромам Бельгии, Франции и Голландии. Ущерб от такого авианалета составил сотни

уничтоженных самолетов, большая часть из которых находилась на аэродромах, а кроме того, значительно повреждены взлетно-посадочные полосы.

Уинстону Черчиллю было доложено, что генерал армии Эйзенхауэр с присущей ему прямоотой предлагал фельдмаршалу Монтгомери¹⁵ контратаковать немцев, но тот убеждал, что следует повременить – слишком велики риски.

Три союзные дивизии были переброшены в качестве усиления и заняли значительные участки вдоль реки южнее Намюра. Немцы не стали прорываться через укрепленное побережье Мааса и сильным танковым кулаком обрушились на Бастонь.

Внимательно перечитав сообщение, премьер-министр задумался. Немецкое наступление забуксовало, их войска так и не сумели преодолеть реку, зацепив острием наступления город Динан, находившийся всего-то в шести километрах от Мааса. Вторая немецкая танковая дивизия, находившаяся в авангарде, была окружена второй американской и одиннадцатой британской танковыми дивизиями. Но ситуация может в корне поменяться, если немецким соединениям будет доставлено продовольствие и топливо.

Становилось очевидно, что союзным войскам с немецкими танковыми армиями не справиться, требуется помощь извне, а именно серьезное наступление русских на Восточном фронте, чтобы Гитлер, спасаясь от окончательного поражения, перебросил часть своих дивизий на восток.

Перед самым форсированием десантными силами пролива Ла-Манш и высадки их в июле 1944 года в Нормандии премьер-министр Черчилль имел с Эйзенхауэром обстоятельный разговор, который сводился к следующему: в случае крайней необходимости или какого-то недопонимания с командующими британской армией он может обращаться к нему напрямую.

Добродушно улыбнувшись, Уинстон Черчилль с присущим ему юмором добавил:

– Все-таки вы станете воевать в Европе, так что в какой-то степени вы будете нашим гостем, а к гостям у нас особое отношение.

Поддержав шутку премьер-министра, генерал Эйзенхауэр отвечал:

– Мне очень по душе эта добрая старинная английская традиция.

Сложно было понять, какие мысли скрывала добродушная улыбка бравого генерала.

Сигара была докурена Черчиллем почти до половины, а решение так и не было принято. Дым в этот раз показался горьковатым, удовольствия от табака он не получил. Затушив сигару, премьер-министр положил ее на край пепельницы и стал неторопливо одеваться. О непрестом положении, сложившемся на фронте, он может переговорить по трансатлантической телефонной связи с Рузвельтом, а также с командующими американской и британо-канадской групп армий.

Осмотревшись по сторонам, Черчилль не отыскал ботинок.

– Черт бы их побрал! – невольно выругался премьер-министр. – Подойдет сюда кто-нибудь ко мне или нет?

За стеной в небольшой комнатухе трудились трое его личных секретарей: Эрик Сил, Энтони Бевер и Эдвард Блейк; в соседней комнате им помогали два младших секретаря, которые мало были знакомы со стилем работы Уинстона Черчилля, и им еще предстояло узнать, что премьер не делает особой разницы между деловым и личным комнатным пространством. Принимать доклады высших чинов и давать солидному журналу интервью в домашнем жилете для него было обычным делом. И в его обычном бормотании, невесть к кому обращенном, следовало различать глубокий смысл и четко отданные приказания.

Через минуту в спальную комнату вошел главный личный секретарь премьер-министра Эрик Сил. В противоположность склонному к полноте Уинстону Черчиллю он был суховатым,

---

¹⁵ Сэр Бернанд Лоу Монтгомери, британский фельдмаршал, главнокомандующий сухопутными войсками союзников в Европе.

поджарым и очень подвижным. На высушенном лице британская безмятежность. Его вообще трудно было вывести из равновесия. Аскетичный, скупой на эмоции, он не был подвержен тревогам. Вся его высушенная фигура являлась воплощением непоколебимости Британской империи.

– Вы что-то хотели, господин премьер-министр?

– Черт возьми! Куда запропастились мои ботинки? Они стояли вот на этом самом месте, – рассерженно ткнул он пальцем себе под ноги. – Прикажете ходить мне по дому босым?

– Но они были не совсем чистые, господин премьер-министр, и младший личный секретарь Джон Пек по моему распоряжению сейчас приводит их в надлежащий вид.

– Они были чисты, как помыслы монашки! – возразил раздраженно Уинстон Черчилль.

– На них была свежая грязь, я видел ее собственными глазами, – уверенно возразил главный личный секретарь.

Обычно Эрик Сил не перечил Черчиллю, но в какие-то минуты на него просто-таки накапывал дух противоречия. В такие минуты Черчиллю хотелось задать ему должную трепку, но никогда он не думал о том, чтобы расчитать его. Более преданного ему человека невозможно было отыскать даже во всем Британском королевстве. А потом, где он может отыскать столь толкового личного секретаря?

Своей непроницаемостью он чем-то напоминал ему собственную женушку. На Клементину тоже совершенно не действовало его природное обаяние. Если не знать того, что Клементина Огилви Спенсер и Эрик Сил из разных социальных слоев, то можно было бы предположить, что они единокровные брат и сестра, родившиеся где-то на стылой льдине в Арктике.

Расценив хмурость Черчилля по-своему, Эрик добавил:

– Если быть точнее, то на них было два больших грязных пятна. Одно на носке правого ботинка, а у левого был перепачкан задник. Очень даже удивительно, что вы не испачкали свои брюки.

– Они у меня короткие, – ответил премьер-министр в своей привычной манере. Трудно было понять: говорил он искренне или все-таки пошутил.

Напрягшись, Уинстон Черчилль вспомнил, что, выбираясь из автомобиля, действительно наступил на грязную лужу перед самым порогом дома. Неделию назад это была большая яма – результат немецкой массированной бомбардировки. Воронку забросали щебнем, засыпали песком, затем заасфальтировали, что не мешало небольшой впадине всякий раз собирать воду и какую-то грязь. И перепачканные ботинки – это не самая страшная потеря – пару дней назад он оступился прямо у самой воронки в центре Лондона, и, если бы не дружеская поддержка личного секретаря, так он скатился бы в ее глубокое дно.

Почему он должен думать о каких-то перепачканных задниках, когда решается судьба целого фронта? Едва удерживая в себе раздражение, премьер-министр лишь только глубоко вздохнул.

– Хорошо. Пусть принесут мне мои любимые ботинки. Я не намерен больше ждать.

– Джон, у вас все готово? – выглянул главный личный секретарь через приоткрытую дверь.

– Да, сэ, – с поспешностью отозвался молодой голос.

Через несколько секунд в комнату вошел смазливый молодой брюнет с идеально зачесанными назад волосами.

Уинстон Черчилль настороженно относился к таким красавцам. Было в них что-то противоестественное: костюмы всегда отглаженные, на лацканах не встретишь и пятнышка, а ботинки так сверкали, что в них можно было смотреться, как в зеркало.

– Вот, господин премьер-министр, – поставил Джон Пек на пол перед Уинстоном Черчиллем идеально начищенные ботинки.

– Можешь быть свободным, – невесело буркнул Черчилль. Утро сегодня явно не задалось. – Похоже, мокрый снег сегодня будет.

Главный личный секретарь в который уже раз убедился в том, что бормотание хозяина всегда преисполнено величайшего смысла, а это означало: чего их чистить, если через полчаса я их все равно испачкаю.

Вдев короткие руки в рукава поданного сюртука и нацепив на толстую шею старомодный черный в крапинку галстук-бабочку, который он носил в память об отце, Уинстон Черчилль взял с полки шляпу и превратился в Бульдога-победителя, каковым знала его вся Британия.

– Позвоните Гастингу и скажите, чтобы собрал на оперативный совет начальников штабов. Нужно обсудить кое-что серьезное.

В холле, расположившись в мягком удобном кожаном кресле, премьер-министра ожидал лейтенант-командор Томсон. Увидев вышедшего Уинстона Черчилля, он почтительно поднялся и шагнул навстречу.

– Автомобиль у подъезда, господин премьер-министр, – распахнул дверь адъютант.

– Надеюсь, что доедем быстро, – шагнул Уинстон Черчилль в открытую дверь.

Ночью Лондон бомбила немецкая авиация. Среди них были «Арадо Ar 234 Блитц», немецкие реактивные бомбардировщики, прозванные за свою скорость молниями. Проезжая до бомбоубежища, Черчилль насчитал четыре разрушенных здания, подле которых солдаты уже растаскивали завалы: в одну сторону то небольшое, что осталось после налета, а в другую в аккуратные стопки укладывали уцелевшие кирпичи.

Уинстон Черчилль прошел в подземный бункер через невыразительную неприметную дверь рядом со зданием казначейства и по узенькой лестнице спустился на тринадцатиметровую глубину, где размещался его кабинет. Он не любил бункер, казавшийся ему излишне влажным и тесным, но работалось здесь хорошо, имелась даже трансатлантическая связь для разговора с Рузвельтом. В кабинете было все так, как он и оставил: на столе с правой стороны лежали кипы документов, требующих срочного решения (Уинстон Черчилль помечал их красными наклейками: «*Сделать сегодня*»); с левой стороны такая же значительная папка, где на наклейках было написано: «*Сделать после главных*».

Но даже сейчас нашлись дела, которые следовало выполнить прежде всего. Первое, что нужно сделать, – позвонить президенту Рузвельту. Подняв телефонную трубку, Черчилль потребовал:

– Соедините меня с Рузвельтом... Добрый день, Франклин.

– Здравствуй, Уинстон.

– Сегодня я получил сообщение от генерала армии Эйзенхауэра. Наши дела в Арденнах не столь победоносны, как это рисует наша пропаганда. Войска испытывают значительные трудности, немцы полны решимости пересечь Маас.

– Но мне докладывают, что немцы остановлены и им вряд ли удастся дойти до Мааса. А их вторая танковая дивизия окружена нашими танковыми соединениями.

– Не буду с тобой спорить, Франклин, все так. Только эти танковые дивизии не очень-то стремятся вырваться из окружения. У них большой опыт в таких делах, это мы видим по борьбе с Советами. Мне известно, что в настоящее время они испытывают трудности с топливом, как только проблема будет решена, они двинутся через Маас. Это может только показаться, что немцы в ловушке и обречены, но они всегда находят силы, чтобы атаковать.

– А как же Сталинград? Там была окружена целая армия.

– В Сталинграде им крупно не повезло, с одного края их прикрывали румыны, которые просто не выдержали атаки русских и сдались. Но не забывай, что очень длительное время немцы обеспечивали свою армию по воздуху. Но немцы очень быстро учатся и уже сделали вывод из своего поражения под Сталинградом и сейчас весьма успешно выбираются из окру-

жений на Восточном фронте. А уж от наших солдат, которые не имеют такого громадного боевого опыта, как немцы, уйти им будет еще проще. Нам нужно сорвать их замыслы.

– И каким образом? Что ты предлагаешь?

– Попросим Дядюшку Джо, чтобы он начал наступление где-нибудь на востоке: скажем, в Пруссии или на Висле. Я напишу ему письмо и объясню ему нашу общую позицию.

– Конечно, было бы здорово облегчить участь наших парней. Им сейчас действительно очень несладко. Я с ним тоже поговорю... Сообщишь мне, что он тебе ответит.

Положив трубку, премьер-министр Уинстон Черчилль некоторое время думал над содержанием письма. Свет от настольной лампы освещал разложенные на столе бумаги. Повернув ручку приемника, стоящего на столе, он некоторое время слушал мюзикл с Верой Линн¹⁶ в главной роли, а потом решительно выключил радио. Не самое подходящее время, чтобы предаваться меланхолии. Разгладив полноватой ладонью уголок листа, принялся писать:

«Личное и строго секретное послание от г-на Черчилля маршалу Сталину

На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях...

Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука¹⁷ и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным.

6 января 1945 года»¹⁸

Закончив писать сообщение, Черчилль вызвал к себе личного адъютанта и распорядился:

– Вот что, Томми... Отнеси это письмо в шифровальный отдел. Пусть немедленно отправят его Сталину.

– Слушаюсь, господин премьер-министр, – отвечал офицер и быстрым шагом направился к двери.

Все шифротелеграммы, отправленные Уинстоном Черчиллем, направлялись через посольство – наиболее быстрый и надежный путь передачи информации. После расшифровки сообщения оно передавалось Иосифу Сталину посыльным. В случае особой важности шифротелеграмма могла быть передана британским послом Арчибальдом Кларком Керром¹⁹.

– И еще вот что, Томми, – задержал премьер-министр адъютанта у самых дверей. – Пусть Арчибальд лично вручит это письмо Сталину.

¹⁶ Английская певица и актриса, дама ордена Британской империи, имевшая огромную популярность в годы Второй мировой войны.

¹⁷ Выдающийся британский военачальник, фельдмаршал, барон, виконт.

¹⁸ Достоверный документ.

¹⁹ Британский дипломат. В 1942–1946 годах посол Великобритании в СССР.

Глава 3

7 января 1945 года.

Неожиданная просьба

Открыв форточку, Иосиф Сталин проветрил кабинет от застоявшегося табачного дыма и вернулся к столу, на котором была разложена оперативная карта Первого Белорусского фронта. Красными жирными линиями были отмечены позиции, занимавшие рубежи по реке Висла от Сероцка до Юзефува, при этом на ее западном берегу несколько передовых подразделений продолжали удерживать важные плацдармы близ Тулы и Магнушева.

Первому Белорусскому фронту под командованием маршала Георгия Константиновича Жукова противостояла немецкая девятая армия, усиленная четвертой танковой армией.

Варшавско-Познанская операция намечалась на двадцатое января. В задачу наступления входило: расчленив немецкую группировку, а затем уничтожить ее. Силами пяти армий и гвардейского конного корпуса планировалось с Магнушевского плацдарма, выступающего острым клином в немецкие позиции, ударить в направлении Кутш и Познань. И усилить главный удар наступательным эшелоном. Вспомогательные удары (двумя армиями и седьмым гвардейским конным корпусом), что должны были поддержать главное направление, будут исходить с Пулавского плацдарма в направлении городов Радом и Лодзь. А еще через четыре дня сорок седьмая армия и первая армия Войска Польского должны провести наступательную операцию севернее Варшавы и при взаимодействии с шестьюдесят первой армией и второй гвардейской танковой армией уничтожить немецкую варшавскую группировку и овладеть Варшавой.

Операция была разработана Ставкой до мельчайших деталей. В ней должны были принять участие свыше одного миллиона человек. Оставалось только подтянуть поближе к переднему краю поотставшие резервы, на что требовалось некоторое время.

Неожиданно в комнату, как всегда неслышно, едва ли не кошачьим шагом вошел Александр Поскребышев²⁰.

– Пришел посол Великобритании Арчибальд Кларк, – произнес секретарь, заставив Сталина оторвать взор от карты, разложенной на столе. – Хочет передать вам лично срочную шифрограмму от Черчилля.

– Хорошо, пропустите его. И позовите ко мне Павлова²¹.

Посол Великобритании Арчибальд Кларк Керр по праву считался одним из опытнейших британских дипломатов, приступившим к своей работе в марте 1942 года, сменив Стаффорта Криппса²², проводшего на своей должности три значимых года, с которым у Иосифа Сталина сложились личные и весьма доброжелательные отношения.

С полным правом можно было сказать, что именно Стаффорд Криппс сделался одной из ключевых фигур в создании военного союза против Гитлера между западными странами и Советским Союзом. Именно ему в июле 1941 года было поручено подписать соглашение между Британией и Советским Союзом о совместных действиях против Германии. Сразу после возвращения в Великобританию Стаффорд Криппс сделал несколько радиопередач, имевших

---

²⁰ Личный помощник Иосифа Сталина.

²¹ Владимир Павлович Павлов – личный переводчик И. В. Сталина с 1939 г.

²² Британский лейбористский политик. С мая 1940 года по январь 1942 года посол Великобритании в СССР.

серьезный резонанс, в которых рассказывал о серьезных военных усилиях, предпринимаемых Советским Союзом, чтобы разгромить полчища фашистов и одержать окончательную победу. В сравнительно короткое время благодаря правдивым историям по радио бывший посол стал одним из популярнейших политиков Соединенного королевства и, будучи председателем Палаты общин, был назначен членом Военного кабинета.

С послом Арчибальдом Кларком Керр, пришедшим на смену Стаффорту Криппсу, отношения сложились не сразу. Иосифу Сталину было доложено, что новый посол личность сложная, состоит из клубка противоречий и тайных пороков, которые принято в приличном обществе тщательно скрывать. Пренебрегая женщинами, он нередко проводит время в обществе молодых мужчин. А в британском посольстве, на тот момент пребывавшем в Куйбышеве, поменял всех женщин на молодых привлекательных мужчин.

Несмотря на свои пагубные пристрастия, Арчибальд Кларк был женат на молодой женщине, дочке чилийского миллионера, которая, не выдержав сложностей натуры мужа-дипломата, вернулась в США. В Куйбышеве Арчибальда преследовала депрессия, и посол большую часть времени проводил со стаканом скотча в руке. Иосиф Сталин, несмотря на все обращения нового посла выделить ему несколько минут для представления Верховному Главнокомандующему Советского Союза, не желал его принимать и постоянно ссылался на занятость. А ведь от встречи со Сталиным зависела не только его будущность, но и судьба всей миссии. В действительности встреча затягивалась намеренно, это была хороша продуманная стратегия, одиночество посла следовало довести до высшей стадии. Параллельно для Арчибальда Кларка подбирали молодой человек, на которого он мог бы обратить внимание. Вскоре такой отыскан – поволжский немец Евгений Йост, которого определили в британское посольство в качестве повара. Совершенно неожиданно для советской разведки Арчибальд Кларк сделал советского гражданина своим камердинером, а еще через три месяца Йост был назначен дворецким британского посла, а вскоре становится его личным секретарем, совершив поистине головокружительную карьеру в британском посольстве. Так что о многих тайнах, касательно советско-британских отношений, Сталин узнавал раньше самого премьер-министра Черчилля.

Постучавшись, в комнату вошел переводчик Владимир Павлов.

– Разрешите, товарищ Сталин.

– Проходите, Владимир Павлович. Сейчас должен подойти британский посол, мне бы хотелось, чтобы вы перевели разговор, – с мягким грузинским акцентом произнес Иосиф Виссарионович. – У вас дома все в порядке?

– Да, товарищ Сталин.

– Если что-то потребуется, дайте мне знать.

Своего переводчика Иосиф Виссарионович ценил, и при разговоре с Павловым нередко звучали заботливые отеческие интонации. Владимир Павлов не был профессиональным переводчиком, языком занимался самостоятельно – закончил энергетический институт по специальности инженер-теплотехник, собирался поступать в аспирантуру, но по личному приглашению Иосифа Сталина был переведен в ЦК ВКП(б), став впоследствии переводчиком Иосифа Сталина и Вячеслава Молотова, а немногим позже параллельно возглавил европейский отдел и стал членом коллегии НКВД²³.

– Спасибо, товарищ Сталин, у меня все в порядке.

Иосиф Виссарионович одобрительно кивнул.

Через несколько минут в комнату вошел посол Великобритании Арчибальд Кларк Керр. Свою службу в Министерстве иностранных дел он начал еще в начале века, проработав за десятилетия во многих странах Европы, Азии, Латинской Америки, в Соединенных Штатах. Трудно было назвать уголок, в котором бы он не побывал. Несмотря на свой шестидесятилет-

---

²³ Народный комиссариат иностранных дел.

ний рубеж, выглядел он молодожаво, был подтянут, строен. Умел расположить к себе всякого собеседника, а с генералиссимусом Чан Кайши, считавшимся весьма трудным и неуступчивым переговорщиком, у него и вовсе установились самые что ни на есть доверительные отношения. Сумел он очаровать и товарища Сталина.

И сейчас Иосиф Виссарионович встречал британского посла радушной улыбкой.

– Как добрались? – спросил Иосиф Виссарионович, пожимая руку посла.

Стоявший рядом со Сталиным Павлов тотчас перевел.

– I was in a hurry as i could. Mr. Prime Minister Churchill handed you the cryptogram, – протянул он Сталину запечатанный пакет. – My predecessor, Ambassador Stafford Cripps, said: «I'm ready to play the role of a humble postman between you and Churchill». I can repeat the same thing.

– Посол сказал, что он торопился, как мог. Господин премьер-министр Черчилль передает вам шифrogramму, – перевел Павлов. – А еще он сказал, что его предшественник посол Стаффорд Криппс говорил, что готов играть роль скромного почтальона между вами и Черчиллем. И что он может повторить его слова.

Дослушав перевод, Иосиф Виссарионович сдержанно улыбнулся.

– Справляется ли со своими обязанностями наш подданный Евгений Йост? Если он вас не устраивает, так мы его отзовем.

Владимир Павлов тотчас перевел, стараясь скрыть улыбку.

– In no case²⁴, – неожиданно горячо запротестовал Арчибальд Кларк Кепп. – Raised him and now he is my personal secretary. He is also a very good massage therapist. He just has magic palms!

– Очень горячо возражает, товарищ Сталин. Евгений Йост теперь личный секретарь посла. А еще он очень хороший массажист. Говорит, что у него просто волшебные ладони.

– Волшебные ладони? – с серьезным видом поинтересовался товарищ Сталин.

– Именно так он и сказал.

– Ну, если дело обстоит именно таким образом, – спрятал Иосиф Виссарионович лукавую улыбку, – тогда мы его оставим в посольстве. Переведите ему вот что... Мы очень рады, что Йост помогает вам в работе.

Владимир Павлов невозмутимо перевел. Порой казалось, что он вообще не способен на проявление даже малейших эмоций.

Выслушав ответ, Арчибальд Кларк вновь заговорил:

– Marshal Stalin, I very often recall our meeting in forty-third.

– Посол сказал, что часто вспоминает встречу в сорок третьем.

Иосиф Виссарионович понимающе кивнул:

– Тогда была бомбардировка, и мы провели ее в бомбоубежище.

– Maybe I'm not saying that, but this is the case when I was grateful to the Germans for this bombing, because I was able to talk with you for two and a half hours.

– Господин посол сказал, что, возможно, он не то говорит, но он был благодарен немцам за эту бомбардировку, потому что смог поговорить с вами два с половиной часа.

Внимательно выслушав перевод, Иосиф Виссарионович заметил:

– Потом наши встречи стали регулярными.

Владимир Павлов немедленно перевел.

– Because many questions have accumulated, and we had to solve them.

– Потому что накопилось много вопросов, и мы должны были их решать, – перевел Павлов.

Приподняв конверт с шифротелеграммой, товарищ Сталин сказал:

---

²⁴ Ни в коем случае (англ.).

– Вот еще один вопрос, который немедленно нужно решить.

Повернувшись к послу, Павлов перевел.

– This is so ... Let me take my leave, – на прощание проговорил посол Арчибальд Кларк Кепп, – I need to report to Mr. Prime Minister that I personally handed over the message to Marshal Stalin, as he wished.

– Это так... Позвольте откланяться. Мне нужно доложить господину премьер-министру о том, что сообщение я передал лично в руки маршалу Сталину, как он и пожелал, – перевел Павлов.

– Проводите посла, Владимир Павлович.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Оставшись в одиночестве, Иосиф Виссарионович оторвал край конверта и вытряхнул из него сообщение. Внимательно прочитал. После чего аккуратно положил его на край стола. Обычно наиболее серьезные бумаги, требующие немедленного рассмотрения или консультации, Сталин клал именно на этот угол стола. Нередко случалось, что вопрос решался в ближайшие несколько минут во время разговора по телефону, а бывало, что требовалось серьезное обсуждение.

Иосиф Виссарионович прошелся по кабинету, обдумывая решение, потом потянулся к бутылке с минеральной водой. Наполнив стакан нарзаном, он выпил его в несколько неторопливых глотков.

Подняв телефонную трубку ВЧ, Иосиф Виссарионович произнес:

– Это товарищ Иванов говорит, соедините меня с маршалом Жуковым.

Разговаривая по высокочастотной связи, Сталин всегда представлялся «товарищем Ивановым», подозревая, что его могут подслушивать. Связисты не однажды уверяли Иосифа Виссарионовича, что подобное невозможно, даже если враг захочет подсоединиться к связи, то он ничего не услышит, кроме шума. Однако у Сталина по этому вопросу было собственное мнение.

Ждать пришлось недолго, уже в следующую минуту послышался характерный щелчок.

– Слушаю вас, товарищ... Иванов, – отвечал маршал Жуков.

– Вы сейчас находитесь в штабе Первого Белорусского фронта? – негромко и с характерными тянущимися грузинскими интонациями спросил Сталин.

– Именно так, товарищ Иванов.

– Только что я получил шифротелеграмму от нашего общего английского друга... Кабана, – произнес Сталин, не решаясь называть премьер-министра Черчилля по фамилии. Во всех агентурных донесениях Черчилль фигурировал под псевдонимом Кабан, о чем маршал Жуков был прекрасно осведомлен. – Он просил начать операцию на Висле как можно раньше. Союзники испытывают значительные трудности на Западном фронте. Что вы на это скажете?

Георгий Константинович был не из тех людей, которым требовалось что-то разжевывать, сказанное он понимал еще до того, как будет завершена фраза.

– Товарищ Иванов, мне известно о трудностях, которые сейчас испытывают союзные войска на Арденнах, но Варшавско-Познанская наступательная операция назначена на двадцатое января. К этому сроку подводятся все запланированные резервы, готовятся эшелоны для подвода техники и укомплектованных дивизий. Мы ждем значительное поступление тяжелых танков, которые нужны будут при наступательной операции. Запланировано, что восемнадцатого числа подвезут мощные гаубицы и мортиры, а также реактивные системы залпового огня. Если мы поторопимся, то можем скомкать весь план наступления.

– Речь не идет о немедленном наступлении, – стараясь не раздражаться, произнес Иосиф Сталин. – Можем осуществить наступление и через несколько дней, но раньше намеченного срока. Думаю, что это в наших силах... Нужно помочь союзникам. Разве мы выиграем оттого, если Западный фронт вдруг обвалится?

– Конечно же, нет. Но как быть тогда в таком случае с запланированным пополнением и с тыловым обеспечением армий? Ведь у нас же все расписано буквально по часам.

– Я урегулирую этот вопрос с товарищем Хрулевым²⁵. Думаю, что он отыщет для передислокации армейских соединений эшелоны и платформы для танков. Из резервов Ставки для усиления фронта выделим вам стрелковые дивизии, а еще усилим танковую армию штурмовой инженерно-саперной бригадой. Более детально мы еще поговорим об этом на совещании Ставки, а сейчас мне важно знать, как скоро вы можете начать наступление, чтобы помочь союзникам на Арденнах.

– Если дело обстоит именно таким образом... и не будет никаких проволочек, думаю, что ориентировочно можно сократить срок наступления на восемь дней.

– То есть вы предполагаете, что наступление можно будет начать уже двенадцатого января? – переспросил Иосиф Виссарионович.

– Да, товарищ Иванов... Хотя придется все равно все тщательно продумать.

Попрощавшись с маршалом Жуковым, Сталин положил трубку на рычаг и тотчас поднял ее.

– Соедините меня с товарищем Хрулевым.

– Хрулев на проводе, товарищ Сталин.

– У меня к вам большая просьба, товарищ Хрулев...

– Я весь внимание, товарищ Сталин, – с готовностью произнес начальник Главного управления тыла Советской Армии.

– Вместо намеченного наступления на двадцатое января в Карпатах и Пруссии мы планируем провести его раньше на восемь дней. Мы можем на вас рассчитывать, что в обеспечении наступающих войск не будет никаких проблем?

Генерал армии Андрей Хрулев был настоящим мастером по части выхода из труднейших ситуаций. Неутомимый, энергичный, он без конца модернизировал тыловое обеспечение, делая его наиболее удобным для фронта и невероятно эффективным.

Всего едва заметная пауза, в которой Андрей Васильевич решил многоуровневую задачу со многими неизвестными. Главная задача тылового обеспечения включает организацию и осуществление мероприятий тыла по поддержанию в боевом состоянии армии. Тыл должен обеспечить воюющие корпуса всеми видами материальных средств и создать наиболее благоприятные условия для выполнения поставленных боевых задач. Это означает, что на передовую должно бесперебойно поступать вооружение, горючее и смазочный материал, продовольствие, обмундирование. Нужно будет позаботиться о госпиталях и лекарствах. Об огромном автомобильном парке, который в кратчайшие сроки должен будет выдвинуться в сторону передовой. И о массе других потребностей, без которых фронт не сумеет правильно функционировать, а личный состав вести боевые действия.

Одно дело, если подобную задачу приходится решать на уровне дивизии или корпуса, пусть даже армии, что само по себе не просто, но когда дело касается нескольких фронтов, включающих миллионы бойцов, то поставленная задача усложняется многократно. Следует продумать все до мелочей. В этот самый сложный механизм тылового обеспечения будут вовлечены буквально все: портные, что в глубоком тылу шьют форму для бойцов; рабочие, вытачивающие снаряды для фронта; стрелочники, отправляющие первостепенный груз в указанное место, а также те, кто находится во фронтовой зоне и доставляет бойцам вооружение, обмундирование, питание прямо на передний край.

Опираться придется на тыловое обеспечение армий, имеющиеся штатные формирования, на отдельные бригады материального обеспечения, на автомобильные бригады, на базы хранения вооружения и техники, на окружные военные госпитали и еще на многое другое,

---

²⁵ Андрей Васильевич Хрулев – начальник тыла Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, генерал армии.

столь необходимое в условиях боевых действий. А еще предстоит договориться с десятками руководителей, спланировать и согласовать колоссальный поток грузов, движущийся на фронт.

Все это промелькнуло в голове Андрея Васильевича в одну тысячную долю секунды. Понимал, что отказать Верховному Главнокомандующему не сможет, предстоящую задачу выполнит с честью, и с готовностью ответил:

– Сделаем все, что нужно, товарищ Сталин.

– Это очень важно. А как вы думаете, сколько поездов в сутки могут проходить через Познань?

– Думаю, что не меньше восьмидесяти, товарищ Сталин.

– До свидания, Андрей Васильевич, – Сталин мягко положил трубку.

Сел за стол и аккуратным красивым почерком написал телеграмму:

**«Лично и строго секретно от премьера И. В.
Сталина премьер-министру г-ну У. Черчиллю**

*Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года... Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим, – на какой-то момент он задумался, а потом, не скрывая иронии, дописал, – славным союзным войскам.
7 января 1945 года»²⁶.*

Вызвав Поскребышева, Иосиф Виссарионович сказал:

– Пусть передадут в шифровальный отдел и срочно отправят Черчиллю.

---

²⁶ Официальный документ.

Глава 4

Конец декабря – начало января 1944 года.

Вынужденное решение

В последние дни декабря 1944 года Адольф Гитлер перенес свою Ставку Верховного главнокомандования в Бад-Наухайм, в лесистую местность у небольшой деревни Пуцбах. Ставка состояла из шести хорошо замаскированных деревянных домов и нескольких бетонных блиндажей, в одном из которых расположился рейхсканцлер.

По своим укреплениям новое место значительно уступало Ставке «Вольфшанце», расположенной в Восточной Пруссии близ города Растенбурга, в значительной степени напоминающую самую настоящую крепость, включая глубокие блиндажи, способные выдержать самый массированный бомбовый удар.

Адольф Гитлер переехал в «Вольфшанце» в самом начале войны с Советским Союзом. Одурманенный первыми успехами, Адольф Гитлер рассчитывал вылететь с нее прямо в захваченную Москву. Когда советские войска стали приближаться к границам Пруссии, фюрер приказал взорвать в «Вольфшанце» все блиндажи, тем самым похоронив под толстыми бетонными плитами на глубине десятков метров многие военные тайны.

Предстоящую операцию по разгрому американско-британских войск в Арденнах Адольф Гитлер решил проводить лично. Имелись все шансы, чтобы завершить ее благополучно. Союзные войска русских после массированного немецкого авианалета чувствовали себя подавленно; значительно расстроилось сообщение между воинскими подразделениями; диверсанты, проникнувшие и закрепившиеся в тылу союзников, создавали самый настоящий хаос. Снегопады и туманы, пришедшие с Атлантики, парализовали действия американской и английской авиации. Имелся мощнейший кулак из лучших подразделений, которые тайно концентрировали на Западном фронте.

Атмосфера в бункере была приподнята, чего не наблюдалось уже давно. И сам фюрер находился в хорошем расположении духа. Адольф Гитлер много чего не договаривал, но сама идея просто витала в воздухе: после разгрома союзных войск Рузвельту с Черчиллем не останется ничего другого, как заключить сепаратный мир с Германией.

Сразу после прибытия на новое место рейхсканцлер Адольф Гитлер созвал в свой блиндаж весь Генеральный штаб, включая представителей фельдмаршала Карла фон Рундштедта, командующего на Западе.

Оглядев собравшихся, Гитлер с жаром заговорил:

– Предстоящая операция будет иметь решающее значение для хода всей войны в целом. Союзным войскам будет нанесен решающий уничтожающий удар, который приведет к ликвидации всего Западного фронта и создаст коренной перелом в войне. Мы проломим фронт в Арденнах, прижмем их к морю, заставим их эвакуироваться и захватим все порты и базы, через которые происходило их снабжение.

* * *

Контрнаступление в Арденнах развивалось весьма успешно. Немецкие войска, выдвинувшись из Эйфеля, без особого труда прорвали американско-британский фронт и вышли к

реке Маас, где завязались упорные бои. На третий день жесточайшего противостояния фюрер созвал совещание, на котором планировалось выработать общее решение. Неожиданно к совещанию подошел вернувшийся с фронта генерал-полковник Гейнц Гудериан, ставший начальником Генерального штаба в июле, сразу после покушения на фюрера.

– Сообщите о моем прибытии, – сказал Гудериан секретарю, сидевшему у входа. – Я хочу доложить фюреру об обстановке на Восточном фронте.

– Хорошо, господин полковник, – поднялся секретарь, – совещание в самом разгаре.

В зале совещаний секретарь пробыл немного и, вернувшись в приемную, сказал сидевшему в ожидании Гудериану:

– Фюрер просил немного подождать.

– Что ж, подожду, – устало опустил Гудериан на свободный, лишенный всякого изящества, но крепко сколоченный стул и принялся терпеливо дожидаться разрешения фюрера.

Внимательно осмотрелся по сторонам. Как непохоже это место на изысканный и любимый Гитлером Оберхоф. Все сделано крепко, но на скорую руку, лишенное всякого изящества. Единственным украшением в блиндаже оставались стены, обитые мореным дубом, и два светильника, стоявшие по углам.

Прошло минут двадцать, но фюрер не приглашал. По какой-то одному ему известной причине заставлял ждать, что невольно вынуждало генерал-полковника нервничать. К такому отношению Гудериан не привык, в прежние времена рейхсканцлер принимал его безо всякого промедления. Следовательно, в их взаимоотношениях произошло нечто такое, что вынудило Адольфа Гитлера подвергнуть унижению заслуженного генерала. Оставалось только гадать, когда именно Гитлер стал относиться к нему с прохладцей.

Впрочем, в данном случае мог присутствовать и второй вариант: в кабинете фюрера действительно могло проходить серьезное заседание, которое он не мог прервать даже на минуту, а тем более отложить, пусть даже из-за такого важного генерала, каковым являлся начальник Генерального штаба сухопутных войск Гейнц Гудериан.

Последние несколько дней генерал-полковник Гудериан разъезжал по фронтам и знакомился с оперативной обстановкой. Что сразу бросалось ему в глаза, так это то, что солдаты начала сорок пятого года значительно отличались от тех, что пересекли границы Советского Союза в начале и середине сорок первого. Уныния на их лицах замечено не было, но царившее в частях напряжение буквально давило на плечи. За все это время он не встретил ни одной части, которая была бы укомплектована полностью. Катастрофически не хватало авиационного бензина, отчего многие самолеты вынуждены были стоять на взлетном поле. Такая же история повторялась и в танковых соединениях, и танкистам буквально приходилось экономить топливо на каждом метре пути. Имелись весьма большие проблемы с вооружением.

Наибольшей организованностью отличались лишь соединения СС, продолжавшие стойко хранить верность своему фюреру и оказывавшие армадам большевиков наибольшее сопротивление. Но даже группы СС мало походили на военную элиту, каковой были каких-то три года назад. Те солдаты были рослые, загорелые, крепкие, хорошо сложенные, белокурые, с голубыми глазами, выросшие в горах и на холмах Германии на молоке и мясе. От них просто веяло какой-то животной силой и духом победителей. Эти другие... От прежнего победоносного состава мало что осталось: они сгинули в многочисленных «котлах», были истреблены в рукопашных схватках, сожжены в танках, ими затыкались дыры в обороне, а все потому, что не было более стойких солдат, чем в соединениях СС.

Прежним победителям на смену пришли солдаты, взрослевшие на поражениях собственной армии, привыкшие к горечи утрат. Да и особой крепости в плечах не наблюдалось. Нечто подобное наблюдалось даже в войсках СС. Они тоже были уже не те. Эсэсовский дух, столь отличавший их от солдат вермахта, как-то поблек и увял. Если они еще и отличались от обыч-

ных солдат вермахта, так только благодаря первому набору СС, которым был знаком вкус победы в Западной Европе и в первые годы войны с русскими.

И в этом непростом положении Адольф Гитлер настаивал не только удерживать позиции, но и постоянно контратаковать.

Генерал-полковнику Гудериану верилось, что он довольно тщательно подготовился к предстоящему докладу. Во время дороги продумал каждое слово, чтобы как можно точнее определить обстановку, создавшуюся на Восточном фронте, и вот сейчас, находясь в бункере Верховного главнокомандующего, перед дверьми его кабинета, он вдруг с некоторой растерянностью обнаружил, что все нужные слова безвозвратно потеряны, а воскресить их из глубин памяти у него не было никакой возможности.

В полевой сумке у него лежали оперативные докладные записи, которые хотя и не в полной мере, но все-таки помогут восстановить заготовленную речь. Расстегнув планшет, генерал-полковник Гудериан вытащил из него аккуратно сложенные листы и вдруг не без удивления обнаружил вместе с ними фотографию шестилетней давности, где он был запечатлен на совместном параде вермахта и РККА с комбригом двадцать девятой танковой бригады Кривошеиным по случаю передачи города Бреста под контроль Рабоче-крестьянской Красной Армии. Получив Железный крест первой степени из рук фюрера за успешно проведенную военную кампанию, он пребывал в хорошем расположении духа. Комбриг Кривошеин тоже был весьма доволен, что русские заняли значительную территорию без особых сложностей. Ведь на других участках дела обстояли куда сложнее: подо Львовом между отрядами вермахта и частями РККА произошли серьезные боестолкновения, и отход пехотных частей сопровождался артиллерийскими перестрелками, унесшими немало солдатских жизней.

Теперь предвоенные годы казались такими далекими, как если бы пронеслась вечность. Помнится, у комбрига был прекрасный французский, так что они до самого вечера разговаривали на языке Вольтера, получая обоюдное удовольствие от общения. Конечно, возникали некоторые разногласия касательно передачи территории, но очень славно, что обошлось без кровопролития.

Но каким образом фотография оказалась между страницами оперативной записки? Очевидно, он случайно взял ее среди прочих семейных фотоснимков. И вот теперь она натолкнула его на давние воспоминания, заставившие взгрустнуть о былом.

Неожиданно в приемной зазвонил телефон, выведший его из глубокой задумчивости. Подняв трубку, секретарь некоторое время слушал абонента, а потом коротко произнес:

– Да, мой фюрер, – и аккуратно положил трубку на рычаг, звонко звякнувший. Глянув на приосанившегося Гудериана, произнес: – Фюрер ждет вас.

Генерал-полковник Гудериан ощутил легкое волнение, каковое всегда испытывал перед встречей с рейхсканцлером. Быстро поднявшись, решительно распахнул дверь. Увидев Гитлера, склонившегося у стола, вскинул в приветствии руку:

– Хайль!

Вопреки ожиданию, Гейнц Гудериан не увидел высоколобного сборища генералов, фюрер стоял в окружении адъютантов и личных секретарей. О чем таком секретном они могли разговаривать, если заставили дожидаться в приемной генерал-полковника?

– Что вы хотели мне доложить, Гудериан? – несколько резче, чем следовало бы, спросил фюрер, давая понять, что ценит время.

– Буквально несколько часов назад я прибыл с Восточного фронта. Мне удалось повстречаться практически со всеми командующими армиями и дивизиями. Ознакомился я и с донесениями военной разведки. Особое беспокойство у меня, как у начальника Генерального штаба сухопутных войск, вызывают территории Восточной Пруссии и Вислы, – подошел он к столу, на котором лежала карта. – Особенно Вислы... Если русские прорвут там нашу оборону, то через Познань им будет прямая дорога на Берлин. Я родился в небольшом городке Кульме, рядом

с Вислой, и знаю эти места достаточно хорошо. По данным воздушной разведки воздушного флота «Рейх», из глубинных тылов русских к передовым позициям подтягиваются значительные людские резервы. Передислокация войск происходит в основном ночью, под звуки работающих танковых двигателей и под рев пролетающих самолетов. Нами было выявлено, что на Первом Белорусском фронте под командованием маршала Жукова были подтянуты шестьдесят девятая и третья ударные армии. Бесперебойно в район Первого Белорусского фронта подходят эшелоны с вооружением, боеприпасами и военной техникой. В том числе значительным количеством танков... По данным военной разведки, на передовых рубежах рассредоточены первая и вторая танковые армии, – уверенно прочертил генерал-полковник Гудериан овал, указав район сосредоточения танковых войск. – Особая концентрация сил намечается в направлении Кутш и Познань. И если русским удастся захватить город-крепость Познань, то далее им открывается дорога на Берлин. На Пулавском выступе собираются также значительные силы русских. Как докладывает полевая разведка, буквально несколько дней назад в этот район прибыл седьмой гвардейский конный корпус. Мы предполагаем, что русские своими основными силами постараются нанести удар с Пуловского выступа в направлении Варшавы.

– Каково общее количество наступающих? – помрачнев, спросил Гитлер.

– Предположительно около миллиона. Русские превосходят нас как по живой силе, так и в технике. На прусском направлении, по данным Первого воздушного флота, в Третьем Белорусском фронте под командованием генерала армии Черняховского и Втором Белорусском фронте под командованием Рокоссовского рассредоточены значительные силы. Около полутора миллионов человек... Второй Белорусский фронт будет усилен Четвертой воздушной дивизией и Пятой гвардейской танковой армией. Третий Белорусский фронт будет усилен первой и третьей воздушными армиями, а также пятидесятой гвардейской армией. Цель русских очевидна, они хотят прорвать нашу оборону и выйти к Балтийскому морю. Занять всю Восточную Пруссию и часть северных территорий Польши.

– А что скажете по Висле? – спросил Гитлер, разглядывая карту.

– На этом направлении поставили командующих, зарекомендовавших себя в наступательных операциях: генерал-полковника Чуйкова, а также генерал-лейтенанта Родимцева. Именно они главные виновники окружения армии Паулюса. Наступление русских будет проходить через наши города-крепости, и их солдаты имеют немалый опыт ведения боев в городах. У меня все, мой фюрер.

– Не уверен, что русские сумеют продвинуться дальше. – Настроение фюрера после доклада Гудериана заметно ухудшилось, выглядел он более задумчивым, чем прежде. – Если русским даже удастся войти в наши города, то они станут для них могилой... Но вы совсем еще недавно докладывали мне, что для развертывания нового наступления русскими в Пруссии и на Висле у них недостаточно живой силы и танков. А подтягивание резервов займет слишком много времени.

– Все так, мой фюрер, но обстановка на фронтах меняется каждый день. Очевидно, русские изменили свои планы и хотят ускорить наступление.

– Что вы предлагаете? Каков ваш план действий как начальника штаба сухопутных войск?

– Я предлагаю в районе Восточной Пруссии и на Висле возвести дополнительные линии обороны с минными полями и противотанковыми орудиями, – выждав небольшую паузу, продолжил твердым голосом: – Укрепление наших рубежей – это абсолютная необходимость. Если мы этого не сделаем сейчас, то через какой-то месяц русские выйдут на территорию Германии.

– Этого никогда не будет, Гудериан, мы не допустим этого! Не уверен, что контрнаступление состоится. Прогноз погоды на востоке крайне неблагоприятен. А нелетная погода в последующие несколько дней будет только ухудшаться, – убежденно проговорил Гитлер. – Впро-

чем, давайте на нашем сегодняшнем очередном совещании решим, как нам поступить дальше. Встретимся, господа, через час... А сейчас мне нужно крепко подумать.

Присутствующие вышли из блиндажа на свежий воздух. Погода и в самом деле была скверной и очень ветреной. Со всех сторон деревенку заволокло плотным туманом, и, несмотря на полдень, было сумрачно, как вечером. По периметру блиндажа несла службу личная охрана фюрера. Держа наготове десантные автоматы, они то возникали в серой плотной дымке облаков, а то вдруг выходили из него блеклыми, лишенными плоти силуэтами. Задумчивое настроение Гитлера передалось и другим. Генералы обменивались о состоянии дел на фронте и сошлись на том, что русские вряд ли станут тянуть с наступлением, и уж тем более им не помешают скверные метеорологические сводки.

Оставшееся время фюрер провел в полнейшем одиночестве. Только однажды к нему зашел Гюнше, который принес требуемые рейхсканцлером карты. Предстоящего совещания ожидали с волнением, понимая, что ключевое слово остается за рейхсканцлером, которое могло определить весь ход дальнейшей военной кампании. Но выбор был явно небольшим: между плохим и очень плохим.

После разгрома американо-британских войск Гитлер рассчитывал заключить с ними сепаратный мир, и вот теперь все его ожидания рассыпались как песочный замок.

За десять минут до начала совещания участники прошли в блиндаж и расположились в небольшой комнате, подразумеваемой как приемная рейхсканцлера. В блиндаж в сопровождении адъютантов вошли Гиммлер с Борманом. Похоже, что рейхсканцлер и в самом деле хотел сделать какое-то важное заявление. Перед дверью по-прежнему сидел секретарь, казалось, что он просто прирос к своему месту и, уткнувшись в бумаги, что-то читал. Посмотрев на часы, он произнес:

– Господа офицеры, фюрер ждет вас.

Растянувшись в короткую очередь, генералы вошли в комнату Гитлера. На большом столе, стоявшем в центре помещения, лежал ворох оперативных военных карт. Фюрер встал в основании стола, взявшись обеими руками за его края, и внимательным сумрачным взглядом наблюдал за вошедшими. Уверенно, как мог делать только он, хранил глубокую паузу, зная, что никто из присутствующих не посмеет ее нарушить. Тут не было каких-то театральных эффектов, в таком поведении была сущность фюрера, он буквально гипнотизировал вошедших одним лишь своим молчанием, подчинял своей негибкой воле, что удавалось ему, как никому другому. Ни он сам, ни люди, находящиеся в блиндаже, не ведали об его источнике силы. А они были немалые.

Семь лет назад перед своим выступлением в Вене с балкона императорского дворца, где на площади собрались десятки тысяч людей, он выждал паузу длиной в пять минут. Установилась такая тишина, каковой позавидовал бы даже столичный театр. И когда фюрер наконец произнес первое слово, народ на площади взорвался криками ликования.

Конечно же, сорок пятый год это не тридцать восьмой. Тогда все было иначе и все было впереди – каждый из собравшихся свято верил в политический и военный гений фюрера. С того времени облик Адольфа Гитлера изрядно потускнел, и собравшиеся генералы не могли не осознавать, что с собой в могилу он тащит целые народы. Но даже сейчас, без прежнего ореола, каковой ранее буквально окутывал всю его долговязую фигуру, каждый из присутствующих продолжал ощущать на себе магнетическую силу его личности, не смея произнести что-либо наперекор.

Сейчас не тридцать восьмой год, и сами они не восторженные и наивные венцы, не подозревающие, что их ожидает в ближайшем будущем, а убеленные сединой генералы сорок пятого года, познавшие как сладость побед, так и горечь жестоких поражений, но каждый из них в значительной степени ощущал на себе личность рейхсканцлера.

– Мы хорошо контратаковали американско-британские войска в Арденнах, – наконец заговорил Гитлер негромким, но твердым голосом, буквально сокрушившим звонкую тишину, заставившую присутствующих невольно расслабиться. Состоявшийся доклад Гудериана отпечатком скорби лежал на состарившемся лице фюрера. Думать о чем-либо другом фюрер уже просто не мог. – Главная наша задача на Западном фронте остается прежней – взять Антверпен! Командующий армий «Б» генерал-фельдмаршал Модель указывает, что американцы с британцами упорно сопротивляются, продвижение все более затрудняется. Но мы как никогда близки к своей цели... Однако на Восточном фронте русские продолжают наращивать силы и в ближайшее время должны перейти в наступление по всему фронту. Наиболее благоприятная для них обстановка складывается в районе Вислы, где наблюдается значительная концентрация русских соединений. Нам следует усилить фронт именно на этом направлении... Вот только резервов в настоящее время у нас нет. Усиление Восточного фронта возможно лишь за счет срыва операции, предпринятой в Арденнах. Другого варианта я не вижу... Может, кто-то хочет высказаться?

– Позвольте, мой фюрер, я скажу пару слов, – произнес Мартин Борман.

– Прошу вас, Борман, мы слушаем.

– Господа, я полностью согласен с тем, что изложил фюрер. Ситуация на Восточном фронте складывается для нас крайне неприятно. Нам нужно предпринять самые срочные меры, чтобы максимальной образом усилить там наши позиции. Если русским армиям все-таки удастся прорвать фронт, то их наступление для Германии, да и для всей нации будет иметь самые роковые последствия. И наши победы на западе не будут ничего стоить.

– Может, желает высказаться кто-то еще? – спросил Адольф Гитлер, тяжеловатым взором глянув на присутствующих.

– Мой фюрер, – заговорил Гиммлер. – К сожалению, у нас нет другого выхода, как укреплять Восточный фронт. Русские продолжают усиливать натиск. Весь вопрос сводится к тому, куда именно нанесут русские удар: по Пруссии или пойдут через Вислу. Если судить по тем разведанным, которые мы получаем в последние дни, то русские войска будут наступать на Висле, а направление их главного удара будет направлено через Познань. Но сейчас главной нашей задачей является задержать русские полчища на берегах Вислы. Какую-то часть соединений с Западного фронта следует перебросить на Восточный фронт. Таким образом мы можем спасти положение. Но последнее слово за вами, мой фюрер.

В блиндаже установилась плотная тишина, имевшая осязаемость, вес. Она выглядела настолько материальной, что давила на плечи, заставляла сутулиться, из-за своей повышенной густоты даже затрудняла дыхание, что было видно по фюреру, судорожно вздохнувшему.

– Возможно, что наступление русских в Восточной Пруссии и на Висле действительно несет для нас очень серьезную угрозу, – наконец прервал молчание Адольф Гитлер. Только сейчас в сумрачном помещении блиндажа было особенно заметно, что фюрер за последние месяцы очень сдал. В начале военной кампании он был крепкий пятидесятилетний мужчина, а за последние три года он переродился в дряхлеющего старика. Дряблые щеки на его сухощавом хищном лице ввалились, безобразные усики под носом неприятно топорщились, левая рука подрагивала больше обычного. Неизменными оставались лишь глаза – глубоко посаженные, пронзительные, они буквально пронизывали собеседника. От его немигающего взгляда цепенели самые мужественные мужчины, не единожды показавшие отвагу на поле боя. Сейчас он смотрел на Гиммлера твердым взглядом, и рейхсминистр, слегка приподняв острый подбородок, собрал воедино все свое мужество. – Дела в Арденнах для нас складываются благоприятно, несмотря на существенный перевес американских и британских войск в самолетах и живой силе. Но у нас есть самолеты, которым нет равных, у нас имеются непробиваемые тяжелые танки, которые способны принести нам победу. Наша армия уже готова перейти Маас, – продолжал Гитлер усталым голосом. Вынужденное решение давалось трудно. – Но мы должны

совершить нелегкий шаг... С тяжелым сердцем хочу вам сообщить, что наша основная цель на Западном фронте Антверпен отступает на задний план. Мы вынуждены ослабить свои позиции в Арденнах и перебросить на Восточный фронт шестую танковую армию Дитриха... А также основные силы пятой танковой армии. Надеюсь, что принятое мною решение исправит ситуацию, сложившуюся на фронте. А вы, Гюнше, – перевел свой взгляд Адольф Гитлер на личного адъютанта, – поезжайте в Сен-Вит и сообщите о моем решении Дитриху. – Выждав, продолжил совсем негромким голосом: – Конечно, мне следовало бы сообщить ему об этом лично. Дитрих достоин такого внимания... Он одержал много славных побед на поле брани и сейчас делает все возможное, чтобы разбить союзников русских... Надеюсь, что он поймет меня правильно, если услышит мой приказ от моего личного адъютанта.

– Я готов выехать немедленно, мой фюрер.

– Именно этого я от вас сейчас и жду. Промедление может быть равносильно гибели. Скажете Дитриху, что я решил перевести на Восточный фронт всю его армию и чтобы выводил танковые дивизии с линии фронта постепенно. Иначе можно обрушить весь фронт... Крайний срок переброски последних подразделений до двенадцатого января. А теперь, господа, мне нужно побыть одному. Наше совещание закончилось.

Глава 5

Фюрер ценит вашу преданность

Отто Гюнше родился в Тюрингии, в небольшом городке Иена. С детства Отто мечтал стать военным, а потому в 1931 году в возрасте четырнадцати лет вступил в гитлерюгенд, а еще через три года был принят на службу в полк «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер». Еще через год вступил в НСДАП²⁷. Годом позже его определили в личное сопровождение Адольфа Гитлера. С января по август 1943 года после окончания военного училища он был выбран Гитлером в качестве личного адъютанта. Служба в тылу, пусть даже рядом с фюрером, Отто Гюнше тяготила, о чем он не однажды делился с Гитлером. Но тот, ценив в молодом офицере исполнительность и преданность, не желал с ним расставаться. Отпустил он Гюнше только в сорок третьем году в августе, когда обстановка под Курском стала накаляться до предела. Гюнше, выбрав подходящий момент, подошел к Гитлеру и проговорил:

---

²⁷ Национал-социалистическая немецкая рабочая партия – политическая партия в Германии, существовавшая с 1920 по 1945 год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.